

Министерство образования и науки Российской Федерации
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

5-6 октября, 2005 года

**ЗНАК: ИКОНЫ,
ИНДЕКСЫ, СИМВОЛЫ**

70

ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА
С. В. ВОРОНИНА
(1935-2001)

Санкт-Петербург
2005

**Министерство образования и науки Российской Федерации
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЗНАК: ИКОНЫ, ИНДЕКСЫ, СИМВОЛЫ»,**

**посвященной
70-летию со дня рождения
проф. С. В. Воронина**

5–6 октября 2005 года

**Санкт-Петербург
2005**

ББК 81.2
Т29

Т29

Тезисы докладов международной конференции «Знак: иконы, индексы, символы», посвященной 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина / Под ред. А. В. Зеленщикова, О. И. Бродович. — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. — 81 с.

ISBN 5-8465-0397-7

Данное издание содержит тезисы докладов и сообщений, подготовленных участниками научной конференции, планируемой на 5–6 октября 2005 года.

Тема конференции связана с основной областью научных интересов профессора Санкт-Петербургского государственного университета С. В. Воронина, памяти которого посвящена данная конференция.

ББК 81.2

ISBN 5-8465-0397-7

© Филологический факультет СПбГУ, 2005

© Коллектив авторов, 2005

Robin Allott, Great Britain
Робин Эллот, Великобритания

LANGUAGE ACQUISITION: THE MOTOR THEORY ACCOUNT
Усвоение языка с точки зрения моторной теории

Over the last few decades research into child language acquisition has been revolutionized by the use of ingenious new techniques which allow one to investigate what in fact infants (that is children not yet able to speak) can perceive when exposed to a stream of speech sound, the discriminations they can make between different speech sounds, different speech sound sequences and different words. However on the central features of the mystery, the extraordinarily rapid acquisition of lexicon and complex syntactic structures, little solid progress has been made. The questions being researched are how infants acquire and produce the speech sounds (phonemes) of the community language; how infants find words in the stream of speech; and how they link words to perceived objects or action, that is, discover meanings. In a recent general review in *Nature* of children's language acquisition, Patricia Kuhl also asked why we do not learn new languages as easily at 50 as at 5 and why computers have not cracked the human linguistic code. The motor theory of language function and origin makes possible a plausible account of child language acquisition generally from which answers can be derived also to these further questions. Why computers so far have been unable to 'crack' the language problem becomes apparent in the light of the motor theory account: computers can have no natural relation between words and their meanings; they have no conceptual store to which the network of words is linked nor do they have the innate aspects of language functioning – represented by function words; computers have no direct links between speech sounds and movement patterns and they do not have the instantly integrated neural patterning underlying thought – they necessarily operate serially and hierarchically. Adults find the acquisition of a new language much more difficult than children do because they are already neurally committed to the link between the words of their first language and the elements in their conceptual store. A second language being acquired by an adult is in direct competition for neural space with the network structures established for the first language.

Reference

Kuhl, P. 2004. Early Language Acquisition: Cracking the Speech Code. *Nature* 5: 831–843

О. Л. Арискина
Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, г. Саранск
Olga Ariskina, Saransk

**ОРИЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ В СОЗДАНИИ
И ВОСПРИЯТИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАКА**
Coding and Decoding a Unit of Terminology

1. Терминотворчество – процесс сознательный, поскольку автор термина обдуманно присваивает единице научной речи адекватный, на его взгляд, экспонент. Под адекватностью названия подразумевается ориентирующий характер знаковой формы, который бы правильно «наталкивал» носителя языка на природу терминологического понятия или явления.

2. Появление и восприятие ориентационных характеристик во многом обусловлено субъективными причинами. И здесь возможен конфликт между субъектами. Терминологический знак, возникший некогда в сознании ученого, не всегда может быть правильно «прочитан» или «прочитан» вообще» другим носителем языка (ведь иной человек наделен другой «логикой», иначе образован, к тому же может находиться в другой общественно-исторической и культурной среде).

3. Нам доступна лишь *относительная ориентация* термина, которая может изучаться в двух аспектах: 1) ориентация «для себя» как для представителя определенного исторического периода, общественного строя, социально-культурной среды, человека с определенной степенью знания, образования, с набором индивидуальных психических особенностей; 2) ориентация «для другого» с учетом всех перечисленных факторов, кроме психических особенностей личности (которые мы знать не можем). Ориентация «для другого» может позволить приблизиться к абсолютной ориентации, если учесть время, общественный строй, уровень образованности ученого, создавшего термин.

4. Все термины по ориентационным способностям подразделяются на четыре основные группы: полностью правильно ориентирующие (*словообразование*), частично правильно ориентирующие (*предлог*), ложно ориентирующие (*окончание*), нейтральные (*слово*).

5. Ориентационные свойства терминов с течением времени претерпевают различные изменения. Ученые могут наделить термин иным планом выражения, могут переосмыслить понятие, кроме того, трансформации могут быть обусловлены развитием самого языка как знаковой системы и развитием знаний о ней. Таким образом, вполне

реально, что ложно ориентирующий термин может стать правильно ориентирующим или нейтральным и наоборот.

И. К. Архипов

Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Igor Arkhipov, St. Petersburg

**ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА. ТЕКСТ И «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»
Once Again on the Nature and Behaviour of the Linguistic Sign:
Text and Intertextuality**

Суть текста определяется сугубо психической природой лингвистических знаков, из которых он состоит. Суть знака была сформулирована Соссюром как «соединение понятия и акустического (или звукового – И. А.) образа». Об опасности вульгарно материалистического понимания предупреждали 80 тому назад Огден и Ричардс, и оно действительно распространилось в виде формулы: знак есть диалектическое единство содержания и формы. Ей соответствует стереотип о бумаге с типографскими отпечаткам или колебаниях воздуха как носителях («сосудах») содержания. Затем явление взаимодействия материальных объектов – звуков – на синтагматической оси было механически перенесено на лексический контекст (Курилович), и возникла идея «творческой силы» языкового контекста. 40 лет назад Кацнельсон выступил с принципиальным возражением, указав, что роль контекста сводится лишь к сигнализации об изменении или создании значений слов языковой личностью, но не был услышан.

Позднее к онтологическим свойствам текста (бумага с краской или звуковая волна с ее характеристиками) была отнесена интертекстуальность. Ей же приписывается «текстообразующая роль» (Пигина). С другой стороны, линия Кацнельсона получила продолжение и развитие в исследованиях в области философии (Мамардашвили) и лингвистики (Залевская, Никитин, Архипов). Действительно, навряд ли интертекстуальность может порождать тексты, так как ее возникновению должно предшествовать наличие текстов. Кроме того, оказывается, что сосуществуют два генератора текстов – языковая личность и интертекстуальность. Если первый фактор обозрим и известен, то специфика второго, очевидно, должна быть представлена научной общественности.

Сомнения относительно жизненности второй гипотезы, со своей стороны, заставляют обратить внимание на явление «интердискурсивности», в ходе которой коммуникант устанавливает актуальные, по его мнению, смысловые отношения между содержанием актуального речевого акта и информацией, сохранившейся в его памяти и каким-то образом связанной с ним. Естественно, что все процессы интердискурсивности проходят в пределах индивидуального сознания.

Н. А. Афанасьева

Череповецкий гос. ун-т, Гуманитарный институт
Natalia Afanasieva, Cherepovets

СИМВОЛЫ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ **Symbols as Semiotic Concepts**

1. Лингвистический символ рассматривается нами как семиотический концепт (термин Н. Д. Арутюновой), что дает возможность многоаспектного анализа этого лингвистического явления.

2. Символ как семиотический концепт рассматривается нами в качестве модели, наполнение которой зависит от исследовательской установки и объекта анализа.

3. В связи с указанным подходом к пониманию символа он описывается в семиотическом, когнитивном, семантическом и коммуникативном аспектах.

4. С точки зрения семиотики, в символе выделяются план выражения (звуковая оболочка слова) и план содержания, включающий в себя совокупность данных семантики и когнитивной лингвистики. Значение символа определяется соотношением формы и содержания.

5. Обращение к когнитивной лингвистике связано со спецификой предмета ее исследования – знаниями, получающими свое выражение в языке как общем когнитивном механизме.

6. Рассмотрение символа в семантическом аспекте ограничивается тем объемом информации, который зафиксирован в толковых и этимологических словарях, т.е. прослеживается и учитывается изменение значения слова в синхронно / диахронном аспекте.

7. Функционирование лингвистического символа в коммуникативном аспекте, с одной стороны, обусловлено его знаковой природой, а с другой, – его соотношением с культурологическим символом.

8. Лингвистический символ актуализирует в тексте ту часть содержания культурологического символа, которая значима для автора текста в связи с его замыслом и объемом авторских фоновых знаний.

9. Таким образом, план содержания лингвистического символа представлен семантикой слова-эпикатора и знаниями (как традиционными, зафиксированными в различных энциклопедических словарях, так и индивидуальными, присущими автору и исследователю).

Bernard H. Bichakjian

Radboud University, Nijmegen, Netherlands

Бернард Бишакджан, Нидерланды

THE EVOLUTION OF THE SIGN

Эволюция знака

Writing in the last issue of *Scientific American* (May 2005), Larry Cahill, from the University of California at Irvine, pointed out that a “generation of neuroscientists came to maturity believing that ‘sex differences in the brain’ referred primarily to mating behaviors, sex hormones and the hypothalamus. That view, however, has now been knocked aside by a surge of findings that highlight the influence of sex on many areas of cognition and behavior...” (p. 42). Such a situation, where the assumptions of “mature” scientists lag distinctly behind the findings of groundbreaking research and the latest state of the art, is not uncommon. In fact, it prevails in linguistics, where seasoned scholars often continue to adhere and peremptorily defend the traditional view that changes are gratuitous and evolution is foreign to linguistics.

The motives for such a stance are not easy to unravel: the apparent disparity of the linguistic data, coupled with a lack of an in-depth analysis, has no doubt been an important factor, especially for historical linguists; for their part, advocates of innatist models cannot possibly accept the evolution of linguistic features because such a process would clash with the premises of their theory, a theory that posits the genetic coding, not of a potential for language, but of a grammar itself; one is also left to wonder whether political correctness has not been an even stronger determinant, surreptitiously stifling serious scientific research in evolutionary linguistics and replacing it with palatable, but often tautological rhetoric.

This paper will endeavor to expose and defend the evolutionary arguments, rebut the commonly-voiced objections and show how a Darwinian-

like process has driven the evolution of the material face of linguistic signs, from their earliest reconstructed forms to their presently observed shapes.

Е. И. Беседина, Н. Н. Швецова
Санкт-Петербургский гос. электротехнич. ун-т
Elena Besedina, Natalia Shvetsova, St. Petersburg

**К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО СТАТУСА ФОНЕМ:
СТРУКТУРНО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
**Towards Determining the Iconic Function of Phonemes:
A Structural-Phonetic Approach**

Настоящее исследование носит поисковый характер и представляет собой попытку подтвердить или установить звукоизобразительную роль отдельных фонем при передаче понятий «кусания, грызения», «всасывания» и «чавканья, чмоканья», используя метод структурно-фонетического анализа.

Материалом для исследования послужили лексико-семантические группы – обозначения «кусания, грызения» (14 реализаций, 66 фонем), «чавканья, чмоканья» (14 реализаций, 58 фонем) и «всасывания» (13 реализаций, 55 фонем), включенные в «Обзор английских диалектов» О. Дита и Г. Ортона (Orton H. e. a. 1962, 1969, 1971), где собраны реализации слов, представляющие собой ответы информантов-диалектоносителей на вопросы диалектологов. В исследовании также была использована достаточно презентативная фоновая выборка слов английского языка, составленная с помощью генератора случайных чисел и насчитывающая 700 лексем (4652 фонемы).

Значительная часть реализаций, полученная авторами «Обзора», является звукоизображениями, звукоизобразительный статус которых был доказан в разные годы разными авторами (в том числе и авторами настоящего исследования) с использованием метода фоносемантического анализа, разработанного профессором С. В. Ворониным. Авторы настоящего исследования полагают, что использование методов статистического анализа, впервые примененного к звукоизобразительному материалу Е. И. Слоницкой в 1987, могло бы расширить возможности исследователя при установлении звукоизобразительного статуса слова.

Структурно-фонетический анализ единиц, составляющих данные лексико-семантические группы, проводился в рамках единого и весьма строгого методического подхода к обработке данных, использующего стандартные методы статистического анализа и обеспечивающего надежную количественную оценку результатов выборок конечного объема при $n \geq 30$, где n – объем выборки.

Результаты анализа материала трех лексико-семантических групп показали, что группа «всасывание» характеризуется превышением встречаемости фонем s и l в среднем в 4,4 и 3,1 раза соответственно. В группе «кусание, грызение» выявлено значительное превышение встречаемости фонем g , r , n и k – в 4,62; 4,19; 2,9 и 2,1 раза соответственно. В группе «чавканье, чмоканье» наблюдается очевидное превышение встречаемости фонем $tʃ$, $ʌ$, m , p – в 28,7; 6,48; 3,91 и 3,90 раза соответственно, что является достоверным подтверждением звукоизобразительного статуса указанных выше фонем при передаче соответствующих значений.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что применение статистических методов является весьма плодотворным при установлении звукоизобразительной роли отдельных фонем при передаче определенной исследуемой символики.

Авторы полагают, что после дополнительных исследований, проведенных на более обширном материале, структурно-фонетический анализ с использованием методов статистического анализа может быть включен в метод фоносемантического анализа, разработанного профессором С. В. Ворониным.

О. Ю. Бойцова
Европейский ун-т в Санкт-Петербурге
Olga Boitsova, St. Petersburg

**ФОТОГРАФИЯ: ИКОН, ИНДЕКС, СИМВОЛ?
(НА ПРИМЕРЕ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ФОТОГРАФИИ)
A Photo as a Sign: Is It an Icon? An Index? Or a Symbol?**

Фотография – средство коммуникации, и в рамках семиотики фотоснимок можно рассматривать как знак.

Одна из проблем семиотики фотографии, – вопрос о том, каким типом знака является снимок: иконом, индексом или символом. Согласно Ч. С. Пирсу, фотография – это индекс [Пирс 2000: 79]. Впро-

чем, Пирс говорит, что часто трудно определить, к какой категории принадлежит тот или иной знак [Пирс 2000: 69].

Фотография являет собой пример знака, в котором выражены свойства и икона, и индекса, и символа.

Фотография - это след, оставленный объектом фотографирования на пленке, то есть она имеет свойства индекса. Как индекс она характеризуется интенциональностью (в этом смысле она отличается от следа ноги и похожа на указательный жест). Но подобно следу и в отличие от указательного жеста, фотография отделена от объекта во времени, а ее объект уникален. Индексальность является наиболее изучаемой в современной семиотике фотографии чертой фотографического знака. Ее имеет в виду Р. Барт, когда пишет, что значение любой фотографии - «оно там было» [Барт 1997: 115]. Но снимок не содержит в себе пространственно-временных координат, и мы часто не знаем, «где именно оно было». Фотография указывает нам не на то, что некий объект находился в данный момент времени в данном месте, а на сам этот объект благодаря тому, что у нее есть «сходство» с ним [Пирс 2000: 78], то есть она имеет также свойства икона.

Иконические знаки конвенциональны: чтобы «прочитать» икон, нужно владеть кодами восприятия и узнавания, которые не даны нам при рождении, но осваиваются в процессе социализации [Эко 1998: 125-135]. Хотя конвенции, с помощью которых происходит кодирование фотографии (превращение цветного в черно-белое), не усвоены фотографом из культуры, а связаны с техническими возможностями фотоаппарата, тем не менее фотографы соблюдают конвенции видения, когда кадрируют снимок, выбирают угол съемки и масштаб.

При исследовании иконичности Р. Барт и У. Эко рассматривают также иконографические конвенции - способы наложения на изображение вторичных значений, возникающих из контекста [Барт 1989: 312-317; Эко 1998: 157-160]. Надо сказать, что любительская фотография в высокой степени иконографична и тяготеет к узнаваемым семам.

Фотографию можно считать тем или иным типом знака в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь. Для моих целей самой важной чертой фотографического знака является конвенциональность, поскольку при изучении любительских фотографий невозможно обойти их повествовательность: они функционируют вместе с нарративами и как нарративы.

Литература

- Барт Р. Camera lucida. М., 1997.
Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 297-318.
Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998.

О. И. Бродович

Санкт-Петербургский гос. ун-т
Olga Brodovich, St. Petersburg

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПОНЯТИЯХ ФОНОСЕМАНТИКИ

On Some Fundamental Notions of Phonosemantics

1. Фонотип. Термин *фонотип* существенно точнее предшествовавшего ему термина *фонемотип*. Фонема участвует в формировании иконического знака отнюдь не всем своим акустико-артикуляторным единством. Разные ДП в составе одной и той же фонемы по-разному участвуют в ЗИ-процессе. Так, /b/ в составе обозначений округлого (напр., англ. bubble *пузырь*, *пузырек* как обозначение округлого предмета) выполняет свою ЗИ-функцию только через участие губ в артикуляционном усилии, т.е. через место артикуляции. Даже участие голоса в /b/ выполняет другую ЗИ-функцию – изображение более или менее громкого процесса кавитации. Таким образом, в bubble /b/ прежде всего принадлежит к фонотипу лабиальных. Та же фонема в англ. bang участвует в ЗИ-процессе только через способ артикуляции – как взрывной согласный, безразлично к месту артикуляции. Здесь /b/ принадлежит к фонотипу взрывных. Нельзя говорить в общем о какой-то ЗИ-функции той или иной фонемы; нужно говорить при этом о фонеме как члене класса – фонотипического класса. Это тем более важно, что описание конкретных ЗИ-слов по необходимости ведется в терминах фонем. Важно помнить при этом, что, говоря о ЗИ-функции той или иной фонемы в составе ЗИ-слова, мы имеем в виду не фонему как таковую в ее целостности, а фонему как единицу того или иного ЗИ-класса фонем – фонотипа.

2. Первичная и вторичная фоносемантика. Ниже в данном сборнике Е. А. Шамина планирует убедить нас в отсутствии непримиримого противоречия между этими типами связи между звуком и смыслом. Это звучит интересно и многообещающе. Но это не значит, что между этими двумя типами фонетического значения нет принци-

пиальной разницы. Разница есть, и ее необходимо осознавать в ходе конкретного исследования. Главное здесь в том, что в примарной фоносемантике фонема как член фонотипического класса выполняет свою ЗИ-функцию в составе определенного слова и, тем самым, в акте номинации. В этом качестве она присутствует в соответствующем слове всегда – какую бы роль ни выполняло слово в дискурсе. При явлениях вторичной фоносемантики фонема (опять-таки как член фонотипического класса) выполняет свою ЗИ-функцию как член того или иного множества слов: парадигматического; как у А. П. Журавлева, например, либо синтагматического – как в любом исследовании звукового символизма в тексте.

А. А. Бурькин

Ин-т лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург
Alexey Burykin, St. Petersburg

**ФОНОСЕМАНТИКА, КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИНГВОСЕМИОТИКА
И НЕКОТОРЫЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА
ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ**

**Phonosemantics, Classical Linguosemiotics
and Certain Objective Properties of Linguistic Signs**

История таких лингвистических направлений, как звуковой символизм и фоносемантика, еще не написана, но они часто рассматриваются как альтернатива основным положениям лингвистической семиотики. В частности, берется под сомнение тезис Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака. При апелляции к звукосимволизму и фоносемантике в диахронических исследованиях начинают усматриваться какие-то иные закономерности эволюции экспонента языкового знака, нежели регулярные фонетические соответствия. Столь ли непримиримы положения лингвистической семиотики и фоносемантики?

Как известно, и экспонент языкового знака, и его интенционал являются сложными по структуре единицами, состоящими из более простых элементов. Слово и морфема состоят из линейно расположенных фонем, состоящих в свою очередь из дифференциальных признаков (ДП), при этом и количество фонем, и число ДП в системе строго определены. Интенционал языкового знака состоит из элементарных семантических единиц, но эти единицы по существу не поддаются исчислению и определенно не имеют линейного расположения: состав семантических множителей во многом зависит от струк-

туры лексико-семантической группы, и семантическая структура морфемы, в отличие от фонемной, является как бы конструируемой.

Принципиальная качественная разница элементной структуры экспонента языковых знаков и их интенционалов, бесспорная для классической лингвосемиотики, наряду с обобщением слов и морфем на основе общности плана выражения (компетенция морфематики и словообразования) и на основе общности плана содержания (компетенция семантики) создает объективные условия для особой формы генерализации и классификации языковых знаков на основе неких признаков, общих для экспонентов и интенционалов в рядах языковых единиц, или корреляции элементов планов выражения и содержания у этих единиц. В таких классификациях, охватывающих ограниченные множества слов и морфем, звуко-символизм и фоносемантика «работают» с той же четкостью, как и традиционная семантика в своих классификациях. Противоречие между классической лингвосемиотикой и фоносемантикой оказывается по существу мнимым.

Т. А. Бычкова

Казанский гос. ун-т

Tatiana Bychkova, Kazan

К ВОПРОСУ О ЗНАКОВОЙ СУЩНОСТИ ИМЕНИ КОНЦЕПТА **Semiotic Properties of Names of Concepts**

Культурный концепт как многомерное ментально-вербальное образование включает в себя как минимум три ряда составляющих: понятийную, образную и телесно-знаковую. Именно благодаря последней концепт обретает статус объекта лингвистического анализа.

Знаковая, лингвистическая природа культурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта. Имя концепта – это главным образом слово, а в случае многозначности последнего – один из его лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [Москвин 2000: 138].

Можно сказать, что концепт есть «схваченное» знаком понятие, своего рода «алгебраическое» выражение значения, содержания, которое и скрывается за этим знаком. Иногда человек по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта,

принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.). Следовательно, чем богаче и шире культурный опыт человека, тем богаче и шире потенции концепта.

В книге «Константы: словарь русской культуры» Ю.С.Степанов проводит мысль о неслучайности именования в культуре [Степанов 2001: 67]. Действительно, именно имя концепта является своеобразным знаком, отправной точкой к высшим духовным ценностям, посредством которых человек во всей мере может осознать и прочувствовать концепт, поскольку «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 2001: 43].

Не случайно к числу наиболее распространенных методик исследования концептов относятся следующие: компонентный анализ семантики ключевого слова – имени концепта, анализ синонимов и дериватов ключевого слова, анализ сочетаемости ключевого слова (как свободных, так и устойчивых словосочетаний), анализ паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт, и др.

В качестве примера предполагается рассмотрение концепта «разум» в русской языковой картине мира.

Литература

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1999. 192 с.

Москвин В. П. Спорные проблемы семантики: Рецензия / В. П. Москвин, Н. Ф. Алефиренко // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 137–140.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Ю. В. Варламова

Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов

Yulia Varlamova, St. Petersburg

СВЯЗНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОГО И ИКОНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ В КИНОТЕКСТАХ

Interconnection of Verbal and Non-Verbal Components in Cinematography

Научное осмысление креолизованных, или семиотически осложненных, текстов с иконическим компонентом подробно описывается в

работах по семиотике. Центральными являются проблемы визуальной семаптики, выделения дискретных единиц изображения, взаимодействия иконической знаковой системы с другими системами, и прежде всего с вербальной семиотической системой. Изображение в отличие от слова не является четко выраженной знаковой единицей. Его семантика характеризуется значительно меньшей определенностью, размытостью, расплывчатостью своих границ.

Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам). Наличие негомогенных частей в структуре текста является одним из способов создания коммуникативного напряжения и в текстовом, и в затекстовом пространстве.

Вербальные и иконические элементы КТ образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата. Восприятие такого произведения, как кинотекст, происходит одновременно визуально и на слух.

С позиции коммуникантов креолизованный текст принципиально не отличается от гомогенного вербального текста, ему присущи те же текстовые категории: целостность и связность. Обе категории взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Связность КТ проявляется в согласовании, тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов, она обнаруживается на разных уровнях: содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном. Под целостностью понимается единство текста, его способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое.

Применительно к текстам, в которых используются вербальные и иконические компоненты, к задачам исследования относятся: анализ внешней соотнесенности вербальных и иконических средств, выявление и рассмотрение механизмов взаимодействия вербальных и иконических элементов в кинотекстах, анализ уровней, на которых осуществляется взаимодействие между данными компонентами и обеспечивается связность креолизованного текста, декодирование и интерпретация вербальной и невербальной информации.

. *А. И. Варшавская*
Санкт-Петербургский гос. ун-т
К. А. Журавская
БИИЯМС, г. Санкт-Петербург
Alevtina Varshavskaya, K. Zhuravskaya, St. Petersburg

**АВТОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТАЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВА
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ**
Autological and Metalogical Properties of Iconic Words

Характеристика звукоизобразительных слов через свойства автологичности и металогичности – это еще один способ показать их в более широком контексте слов языка, языковых единиц других уровней и, может быть, языка в целом.

Автологическое свойство отчетливо видно у звукоподражательных слов. В логике и лингвистике автологическим считается “слово, имеющее свойство, именем которого оно является” (Г. Х. фон Вригт). Очевидно, что звукоподражательное слово – e. g. hiss – значит “шипеть” и само “шипит”, whistle–свистеть и др. – по определению является автологическим.

Термин “металогический” используется нами по аналогии с термином “автологический”. В основе металогического свойства лежит понятие метафункции языка (Р. О. Jakobson) и понятие метаотношений (А. И. Варшавская).

Звукосимволизм характеризуется явлением синестемии, которое “выражается в переносе и имеет перенос своим результатом” (С. В. Воронин 1982, 85). Конкретный звукосимвол способен обозначать абстрактное понятие, идею (e. g. гуттуральные и носовые звуки, имитирующие удушье, сдавленность горла – в словах ‘anger, anguish, anxiety’, обозначающих гнев, горе, страх). Можно предположить, что в основе механизма переноса в данном случае лежит металогическое свойство звукосимволических слов.

У автологического и металогического общее то, что оба представляют внутренние свойства языковых единиц и свойство языка “говорить” о себе самом, его свойство авторефлексии. Автологическое свойство направлено на само себя (греч. auto – сам), а металогическое свойство подразумевает направленность вовне, на уровень другого порядка (греч. meta – рядом, после).

Автологическое и металогическое свойства, предположительно, находятся в отношении взаимоопределения друг к другу. Языковой элемент, языковая единица, языковое образование (от звукосимвола

до метаязыка), если они вступают в метаотношение или выполняют метафункцию, должны быть автологическими, т. е. обладать способностью “говорить” о себе, “указывать” на какое-то свое свойство. Металогичность явно связана с интеграционным, символизирующим принципом существования языка, с интегративными процессами, о которых говорил С. В. Воронин.

В. И. Васильев

Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Valery Vassiliev, Cheboksary

КОГНИТИВНЫЙ ОБРАЗ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

The Cognitive Image of the Linguistic Sign

Рассматривая речевую деятельность с позиций лингвистики Гюстава Гийома как динамическое явление, включающее когнитивную деятельность по оформлению мысли, поиск адекватных языковых средств для ее выражения и ее оформление в виде высказывания, можно идентифицировать язык как относительно стабильную систему, постоянно присутствующую в сознании человека. Система языка по Г. Гийому представляет собой систему взаимосвязанных подсистем. Язык по природе своей потенциален (виртуален), как и основное понятийное содержание языковых единиц, которые при использовании в речи актуализируют одно из системных понятийных значений.

Языковой знак, таким образом, имеет две ипостаси – речевую реализацию с конкретными значениями и когнитивную потенциальность с фундаментальным (базовым) значением. Все конкретные реализации языковой единицы должны обязательно быть связанными с фундаментальным значением. При употреблении языковых знаков можно обнаружить большое количество отдельных значений, иногда противоречивых или на первый взгляд мало связанных между собой. Такая ситуация означает лишь недостаточную осмысленность фундаментального значения, поскольку ни одно из речевых употреблений не может ему противоречить в принципе.

Поиск фундаментального значения (исходного когнитивного понятия) языкового знака проводится по описанной Г. Гийомом методике с использованием основного механизма образования понятий – коренного бинарного тензора, который включает в себя две операции (партикуляризацию и генерализацию) по ходу движения мысли. Этот поиск означает попытку проследить движение мысли в обратном на-

правлении и выявить взаимосвязи между основными значениями, которые языковая единица обнаруживает в речи, определить их иерархию и обнаружить исходное когнитивное содержание, которое непременно должно находиться в перцептивном опыте человека.

Проведенный в соответствии с этими принципами анализ числа существительных в русском языке и аспектуальных систем в типологически различных языках позволили подтвердить тезисы Г.Гийома об исходном фундаментальном когнитивном содержании языкового знака и его структуре как пучке потенциальностей, находящихся в полной зависимости от фундаментального содержания.

А. В. Вейнмейстер
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Anastasiya Veinmeister, St. Petersburg

**ПОНЯТИЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФОРМЫ И ПРОБЛЕМА
ЗНАЧЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА Э. КАССИРЕРА**
**On the Notions of Symbolic Form and Meaning
in E. Cassirer's Linguistic Philosophy**

Для решения основных проблем языка определяющими, по Кассиреру, являются: понятие *символической формы* и понятие *значения*.

Следуя традициям В. фон Гумбольдта, Кассирер считает язык, наряду с мифом, искусством и познанием в целом, - важнейшей формой самопостижения духа, подлинным «источником света», «условием видения», «исток» и «великий ориентиром» духовного процесса, в котором для нас «конституируется действительность» в ее единстве и многообразии.

Все символические формы культуры (наука, искусство, миф, религия), живут и возможны благодаря усвоению продуктов внутренней формы языка и его функций, что ставит язык в *центральное и определяющее положение по отношению ко всем другим символическим формам культуры*.

Язык есть вечно обновляющаяся работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулированный звук выражением мысли. Анализ языка должен ориентироваться не на роль отдельных слов, а на значение предложений, поскольку именно *значащее выражение* представляет собой попытку овладения реальностью и только оно имеет смысл. Традиционная лингвистика, пытаясь создать теорию значения, шла от единичного к целому: от звука к слову, затем к предложению. Кассирер утверждает, что "дух, живущий в человеческом языке, кон-

ституирует предложение, члены предложения, слово и звук", т.е. поскольку язык представляет собой систему символов, то значение каждого из них определяется целостностью всей системы.

Поскольку *символ есть связь идеального с чувственным*, то, по Кассиреру, возможны 3 типа такой связи: выражение, представление, чистое значение. Такова общая структура всех символических форм, но каждая осуществляет её сообразно собственной специфике. Так, "созревание языка на пути к присущей ему форме" проходит три ступени: *"мимического, аналогического, символического выражения"*.

Всякий язык, по Кассиреру, есть представление определенного значения через чувственный знак. *Значение* есть смысловое содержание, создаваемое символом и в нем фиксируемое посредством слов языка. "Символы языка, мифа, искусства «существуют» не потому, что они есть, — не для того, чтобы быть, а потом обзавестись еще каким-то значением. Все их бытие состоит в их значении (его формировании и передаче – А. В.)". Т.к. символу соответствует определенное идеальное значение, закрепляемое за ним, то содержание, связанное с данным символом приобретает "новый статус и большую продолжительность жизни".

Язык есть материал из которого формируется, с одной стороны, мир «действительности», а с другой — "духовности, мир Я". Т.е. происходит то, что позже Ж. Лакан назовет "двойным движением символа". Утверждение, что *язык формирует индивидуальное сознание*, перенос центра тяжести с анализа сознания на анализ языка – вот важнейшая идея философии языка Кассирера, получившая свое развитие в 20 веке.

Г. М. Вишневецкая, А. А. Карабанова

Ивановский гос. ун-т

Galina Vishnevskaya, Anna Karabanova, Ivanovo

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ

Phonosemantic Characteristics of Sound-Imitative Words

Анализ материала десятков языков мира, преимущественно неродственных, сделали возможным и необходимым создание принципиально новой науки – фоносемантики, основоположником которой стал доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета *Станислав Васильевич Воронин*. Им был

сформулирован семиотический принцип двойкой произвольной/произвольной природы языкового знака (в противоположность «принципу произвольности» Фердинанда де Соссюра). В связи со становлением фоносемантики как самостоятельной лингвистической дисциплины, в лингвистике появилось много исследований, где звукоизобразительность рассматривалась в связи с проблемами этимологии, стилистики, психолингвистики, экспрессивности речи и т. д.

Объектом нашего исследования стала звукоподражательная подсистема английского, немецкого, русского и финского языков, в частности лексика, отражающая голоса животных. Основной целью исследования является рассмотрение фоносемантических особенностей отражения «звучащей» речи животного мира. Поиск типологии фоносемантических особенностей отражения голосов животных в различных (родственных и неродственных) языках, сравнение ономастопов исследуемых языков на уровне фонемотипов показало, что при отражении голосов животных в различных языках наблюдаются как черты сходства, так и черты различия. Выход в диахронию позволил установить изначальное сходство многих, различных на современном этапе развития языка, ономастопов исследуемых языков. Различия в структурах звукоподражательных основ разных языков могут быть обусловлены действием как внутриязыковых, так и внеязыковых факторов, а именно: *спецификой фонологической системы* конкретного языка, *особенностями слухового восприятия* носителей разных языков. Одна из причин несходства звукоподражаний в разных языках кроется в том, что сами звуки-источники, как правило, имеют сложную природу, и, поскольку точная имитация их средствами языка невозможна, каждый язык выбирает одну из составных частей этого звука как образец для подражания. Данные проведенного нами эксперимента свидетельствуют о том, что фонетический облик звукоподражательных слов играет важную роль в определении их значений. Этот факт также говорит о том, что звукоизобразительность, характерная для значительного количества лексических единиц, может способствовать постижению смысла слова на иностранном языке.

Литература

- Воронин С. В.* Английские ономастопы. СПб., 1998.
Воронин С. В. Фонесемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения. Л., 1990.

О. В. Гадышева
Волгоградский гос. ун-т
Olga Gadysheva, Volgograd

**СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА-ЗАГЛАВИЯ
В ДРАМАТУРГИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**
**The Symbolic Meaning of Title Words in Dramatic Works
of Leonid Andreyev**

Стилевая система Леонида Андреева основана на постепенном развитии смысла символических заглавий, которые проходят лейтмотивом через все произведение. Глубокая связь символа с замыслом, характерами, ситуациями требует раскрытия всех этапов его семантической динамики в произведении.

Социально-философскую драму «К звездам» Леонид Андреев строит как анализ мировоззренческих проблем. При этом он вовлекает зрителя в процесс полемики обсуждения основных вопросов человеческого бытия. В основе пьесы находится противопоставление двух путей развития человечества: пути науки, ведущего к совершенствованию и прогрессу, и революции. Все произведение представляет собой дискуссию о том, что важнее для человека – служение вечным истинам, научный поиск или любовь к «ближнему» и борьба за его счастье. В развитии этого социально-философского спора важная роль принадлежит заглавию-символу. Лейтмотив «звезд» получает в драме неоднозначное смысловое наполнение и эмоциональные коннотации. Символические приращения начинаются на уровне номинативного употребления слова в контекстах, где актуализируются отдельные признаки понятия. Многократность повторения слова и многообразие типов значений формируют символ, который отражает социально-философскую проблематику драмы. Множественность значений заглавия-символа проявляется в контексте всего произведения. Сохраняя общепринятое понимание, в то же время этот символ является отражением индивидуальных особенностей стиля драматурга и его мировосприятия.

Б. М. Галеев
НИИ экспериментальной эстетики "Прометей", г. Казань
Boulat Galejev, Kazan

ЦВЕТОФОНОСЕМАНТИКА В СИСТЕМЕ СИНЕСТЕЗИИ
Colourphonosemantics in Synesthesia

Заранее оговорим необходимость различения основных в языке и поэзии "лексических", "образных" синестезий, сопряженных с меж-

чувственным переносом значения (семантики) слов, предложений, фраз, и экзотическими попытками осуществлять это уже применительно к отдельным элементам речи (и письма). Но так уж получилось, что именно с последних прихотливых случаев окрашивания звуков (букв) и началось изучение "цветного слуха" и затем собственно самой синестезии, что и породило ту драму идей, которая наличествует в изучении проблемы межчувственных сопоставлений по сей день. Но если в научной рефлексии по поводу лексических, образных синестезий уже наступает определенность (это есть особое, двойное иносказание, с переносом значения уже и в иную модальность), то судьба цветофоносемантики отягощена драматичностью "вдвойне", ибо к извечным и порою безысходным спорам о звуковом символизме здесь прибавляются не менее спорные поиски однозначных закономерностей цветового символизма.

Примечательно, что эта обреченность связана именно с цветом, относящимся к "вторичным" (субъективным, качественным) свойствам вещей, по Д. Локку, в то время как проявления синестетического звукового символизма, связанные с "первичными" (объективными, структурными) свойствами, воспринимаются в языке спокойно, как общезначимые и понятные – от признания гласных "гладкими" и согласных "шероховатыми" в античные времена до фиксации схожести молнии с его словесным обозначением "Blitz" у И. Гердера и сравнения "еуы – лилия" у Крученых.

Исходя из того, что синестезия, будучи феноменом сознания, есть "субъективный образ объективного мира", и что "субъективное" связано с модальностью (цветом), напомним, что субъектом при этом может выступать как индивид, так и сообщество (нация и даже все человечество). Соответственно, мотивированностью случаем, сущностно присущей "ассоциациям по смежности", объясняются разночтения во всех цвето-звуковых манифестациях разных поэтов, и бессмысленны попытки отыскивать в них общее, которое если и обнаруживается, то лишь в большой выборке опрашиваемых, позволяющей заметить, например, некоторое влияние словесного обозначения и речевого произнесения цветов у людей одной национальности.

Общезначимой же для всех людей является лишь предпочтительность синестетического резонирования насыщенных, густых, темных цветов (красный, синий и т. д.) низко звучащим гласным и светлых цветов (жёлтый, голубой, зеленый) высоким звучаниям.

Преднамеренная, осознанная эксплуатация в искусстве слова личных цветофоносемантических аналогий оправдана лишь контек-

стом. В обыденном же языке в виду своей прихотливости они практически отсутствуют, не будучи способны служить целям межличностной коммуникации.

Н. Л. Галеева
Тверской гос. ун-т
Natalia Galeeva, Tver

СЕМИОТИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА ПЕРЕВОДА **The Semiotics and Hermeneutics of Translation**

Семиотика рассматривает знак в качестве своего центрального объекта, являясь в этой роли интегральной наукой, объединяющей различные знаковые системы, в том числе и сами интегральные системы, такие как кино, телевидение и т.п., где к визуальному знаковому ряду добавляется вербальный, звуковой, музыкальный и т.п., каждый имеющий свою специфику и систему смыслов, свои собственные специфические средства и способы их интерпретации. С этой точки зрения перевод может рассматриваться максимально широко – не только как перевод с языка на язык, предполагающий замену одного вербального текста другим, где меняется даже не материал знаков, поскольку они в любом случае, если это печатный текст, представляют собой последовательности печатных знаков, меняется их языковая форма при предполагаемой общности содержания. В этом случае существует множество проблем, поскольку культуры в целом могут рассматриваться как семиотические образования со свойственными только им системами знаков или способами оперирования ими. К примеру, о переводе с восточных языков на языки европейские можно в большой мере говорить как о межсемиотическом переводе, поскольку в состав восточного текста входит также и такой параметр, как красота его исполнения – упорядоченность, особое исполнение иероглифа, особое их расположение и т. п. При этом само исполнение текста входит либо в состав его смыслов, либо должно обладать особой ответственностью на реципиента. В этом случае культуры привлекают к созданию эстетически значимого текста разное количество семиотических систем, часть из которых принципиально невоспроизводима в составе переводного текста, поскольку ему не свойственна.

Особое место в семиотике и переводе занимают тексты, переведенные с языка одного вида искусств на язык другого вида искусств, к примеру, экранизации литературных текстов, причем особое место

занимают экранизации текстов иных культур, где к межсемиотическому добавляется еще и межкультурный перевод. Содержательность такого текста может претерпевать разного рода изменения. Наглядным примером являются «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» российских кинематографистов, сериал, ставший, в большей мере, чем литературный перевод, фактом культуры.

Н. Г. Горбунова

Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Natalia Gorbunova, St. Petersburg

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ТЕОРИИ НОМИНАЦИИ **Theory of Nomination: The Cognitive Approach**

По мнению ряда авторов, номинация носит характер когнитивной деятельности, связанной с возникновением и преобразованием определенных информационных структур, фиксирующих результаты познания.

Когнитивный подход к номинации, прежде всего, предполагает определение той части информации, которая превратилась в концепт объекта реального мира и которая получила отдельное наименование. Под номинацией понимается языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства объектов. Любой акт создания новых языковых единиц исследуется не только по его соотношению с реальным миром, но и с тем, как действительность представляется нашему сознанию и как это закрепляется в форме данного языка (Кубрякова 2003).

В процессе рождения нового слова и нового значения на первом месте стоят, прежде всего, когнитивные факторы. Сначала происходит идентификация референта, определяется его место в когнитивной системе человека – происходит процесс категоризации. По окончании категоризации возникает потребность уточнения места понятия среди ему подобных – речь идет о процессе субкатегоризации (сопоставление с другими членами категории). Данное положение опирается на теорию прототипов (Rogch, 1975), согласно которой присущая человеку ментальная процедура категоризации опирается на человеческий опыт и воображение. При отнесении какой-либо сущности к определенной категории человек руководствуется принципом «Семейного сходства» и принципом сличения с прототипом – «лучшим образцом категории». Затем начинается непосредственно поиск нового имени.

Действия по категоризации и субкатегоризации осуществляются человеком, принадлежащим к одной из профессиональных, социальных, этических и родовых групп, и выбор имени будет зависеть от этих параметров. Далее сознание подыскивает подходящий фрейм, в который необходимо «упаковать» новую информацию.

Таким образом, в рамках когнитивного подхода процесс образования новых слов и их значений рассматривается как процесс последовательных концептуальных операций над знаниями.

Литература

Кубрякова Е. С. На стыке парадигм лингвистического знания в нач. XXI в: грамматика, семантика, словообразование. Калининград, 2003

О. В. Дедова
Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова
Olga Dedova, Moscow

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРФЕЙС БРАУЗЕРА КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

(об одном из аспектов порождения и восприятия интернет-текста)
The User Interface of the Browser as a System of Signs
(On One of the Aspects of Generation and Perception
of Text in the Internet)

В конце XX столетия письменный текст обрел новый материальный носитель, что определило изменение способов хранения, тиражирования и распространения письменной информации. В результате трансформируются важнейшие текстовые категории: связность, линейность, законченность, принципы композиционной организации, контекст. Нам хотелось бы обратить внимание на одну специфическую сторону порождения и восприятия электронного текста – его неизбежное присутствие в пределах особой знаковой системы – интерфейса браузера (напомним, браузер – программа, обеспечивающая взаимодействие человека и компьютера, интерфейс – практические способы их взаимодействия).

Большинство современных интерфейсов интернет-браузеров организованы по принципу прямого манипулирования на основе «касания» соответствующего объекта. Так, важнейшей пиктограммой интернет-браузеров, отмечающей попадание курсора в поле источника

гипертекстовой ссылки, является схематическое изображение человеческой руки с вытянутым пальцем. В научной литературе, в соответствии с классическим определением Ч. П. Спирса («Все что угодно может служить Заменой всему что угодно на основании подобия»), за такими знаками прочно закрепилось название иконических.

Целый ряд иконок интернет-браузеров представлен в виде стрелок различного направления. Их объединяет метафора «чтение сетевого текста – движение, в процессе которого происходит пространственное перемещение». О влиянии этого на наши представления, связанные с процессом восприятия сетевого текста, свидетельствуют словопотребления «зайти на сайт», «ходить по сайту», «шаг», «путь». Применение кнопок ← «назад» и → «вперед» заслуживает особого внимания. Их предназначение – выстраивание единиц чтения, не имеющих предусмотренного автором порядка следования, в некую линейную последовательность. Пространственная ориентация стрелок отражает векторную направленность такой важной текстологической категории, как линейность.

В символике иконок, обозначающих Интернет, присутствуют масштабные, «космические» ассоциации. Семантическая оппозиция «Вселенная» – «Дом» (ср. «домашняя страница» от англ. «home page»), заложенная в пиктограммах, поддерживает наши глубинные представления о сути интернет-коммуникации. С одной стороны, перед каждым открывается практически неограниченная аудитория, с другой – пребывание в Сети – сугубо индивидуальный опыт, позволяющий сохранить анонимность. Неслучайно прототипическая ситуация «выхода» в пространство Интернета предполагает «ночь и одиночество» [http://www.stetoskop.narod.ru/steto_cd/03/este32.htm].

М. В. Добрынина
Тверской гос. ун-т
Marina Dobrynina, Tver

**СИМВОЛ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**
Symbol in the Meaning Structure of a Literary Text

Символ в собственном смысле этого слова неотделим от сознания, то есть обладает нозтически-нозматическим характером. Символическое в художественном тексте представляет собой устойчивую совокупность нозтически-нозматических актов, которые являются

источниками семантически идентичных смыслов в отношении к определенным действиям, то есть означает не столько единичный акт, сколько процесс мышления, способ его реализации – этим задаются различные формы мышления (Радионова 2003). Именно поэтому символ (в отличие от знака вообще) способен, как и любой образ, воздействовать *непосредственно* на восприятие. Его референция – это автореференция. Символ не отсылает ни к какому внеположному ему референту в реальности в силу того, что сам является частью реальности.

Смыслы, опредмеченные в тексте прямо в форме вербального знака, или непрямо, через вербально создаваемые образы, задают определенное смысловое поле. В соответствии с этим модифицируется и интерпретативная деятельность реципиента. Интерпретация, в данном контексте, – это работа мышления, которая состоит в освоении смысла (смыслов), стоящего за символом.

В общем виде символ можно рассматривать как совокупность множества смыслов, каждый из которых реализуется в соответствующем ему контексте и проявляется в тексте в свернутом виде в форме вербального «знака». Ю. М. Лотман определил символ как текст культуры, существенной характеристикой символа является его интертекстуальность, символ обращается к культурному опыту реципиента и служит инструментом выявления смысловой сферы текста за счет вписывания его в вертикальный контекст культуры (по Лотману, «культурный континуум»), где происходит взаимодействие с другими текстами культуры.

Понимание символа как своего рода свернутого ноэтически-ноэматического формата, позволяющего в концентрированном виде, сжато подчас до вербального знака, представить в новом тексте смыслы, возникшие в культуре в разные периоды и сохранившиеся в ней, создает основания для взаимодействия автора и читателя в рамках культурной традиции. Смысловая сфера текста приобретает «полифоничность», реализуя диалог культур в сознании реципиента.

Литература

Радионова С. А. Символ // Новейший философский словарь: 3-е изд., перераб. и дополн. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. С. 899–900.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 191–199.

Н. В. Дрожащих
Тюменский гос. ун-т
Natalia Drozhashikh, Tyumen

ИКОНИЧНОСТЬ И ПРОЦЕССЫ СЕМИОГЕНЕЗА **Iconicity and the Process of Semiogenesis**

В процессе семиогенеза происходит разрушение «биологической» иконичности, т. е. иконического «языка» животных (например, «танец» пчел, «коммуникация» муравьев). При этом происходит формирование неоднородных языковых структур, в частности, дискретных звуковых единиц по сравнению с однородными, недискретными звуковыми сигналами приматов. Эти процессы находятся в «центре» системы, т. е. являются центральными тенденциями в языке как сложной саморазвивающейся системе. На «периферии» (будущие инновационные процессы) намечается: 1) переход от биологической иконичности к (абстрактной) языковой иконичности (одно-однозначное соотношение между формой/содержанием знака) на уровне отдельного слова при сохранении общего конвенционального способа кодирования информации; 2) формирование целостного иконического пространства лексики лабиальной, дентальной, велярной артикуляционных зон; 3) формирование морфологических и синтаксических структур (В. Вилдген).

Архаические тенденции в развитии языковой системы состоят в достаточно высокой степени энтропии (шумового хаоса) в первых знаках человека. Первичные дискретные звуковые единицы – фемемы (М. Л. Фостер) представляют собой пучки звуков и смыслов, которые отличает недифференцированность формы (наличие аллофонов), диффузность содержания. При этом сохраняются недискретные способы кодирования информации в дискретных знаках. Холистическая стратегия кодирования информации и недискретность смысла языковых единиц отражается в семантическом и категориальном синкретизме первых слов-высказываний (совмещение в одном означаемом признаков субъекта/объекта, предмета/признака и т. п.); в лексическом/грамматическом синкретизме (несформированность понятий предмета, субъекта/объекта, действия и т. п.); в доминировании лексических структур и преимущественно синтаксическом способе выражения грамматических отношений.

К. Д. Дьячковский
Якутский гос. ун-т им. М. К. Аммосова, г. Якутск
Kim Diachkovsky, Yakutsk

ЯЗЫК КАК ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА **Language as an Ethnosemiotic System**

Сегодня, в условиях информационно-коммуникативной культуры, первостепенное значение имеет социокультурная деятельность этносов. Эта деятельность невозможна без использования языка, например, для выражения (интерпретации) мыслей, чувств, воли, ментальности, символического образа, имиджа, а также для достижения взаимопонимания внутри и вне социальной жизни (социализации) этноса.

1. Природа языка – отражение природы этноса, его деятельности во всех сферах общественной жизни: конкретно-исторических, объективных условий и субъективных факторов формирования и развития этноса.

2. Как этносемиотическая система, язык используется для формирования и выражения мысли, эмоций, для внутренней речи (диалога), для общения и для коммуникации. Речь (узус) (акустическая, графическая, внутренняя и внешняя) – как материализованное проявление языка, единство психического и физиологического, самовыражение этноса. Синтаксис (синтактика), семантика и прагматика этноязыка. Информация и этноязык.

3. Системность языка, особенности проявления этноязыка на всех уровнях языка (фонемный, лексический, грамматический), где каждая отдельная сторона или единица связаны с другими сторонами, частями и единицами.

4. Письмо и письменность как этнознаки. Пиктография, идеография, орнамент (язык рисунка) как этнознаки, этносимволические изображения. Проблемы соотношения письма – знака и речи.

5. Практические (прикладные) вопросы использования языка в жизни этноса. Национальный алфавит, представления и знания, интерпретации слов и текстов, усвоение и освоение иностранных слов, речевой этикет, стандартизация и унификация терминологий, создание искусственных слов и предложений, компьютерный язык.

6. Связь языка этноса с другими языками: на вербальном уровне и на невербальном уровне.

7. Проблемы лингвистики этноса: социолингвистика, психолингвистика, экстралингвистика, паралингвистика, лингвокультурология; связь с другими науками.

В заключение подчеркнем целесообразность научных исследований этносемиотических особенностей этноязыка.

Jolanta Zabarskaitė
Institute of the Lithuanian Language, Vilnius, Lithuania
Йоланта Забарскайте, Литва

**THE PHONOSEMANTICS OF INITIAL
MULTINOMIAL CLUSTERS
OF MONOSYLLABIC INTERJECTIONS IN LITHUANIAN**
**Фоносемантика начальных многокомпонентных
кластеров односложных междометий литовского языка**

The presentation deals with the phonotactics and phonosemantics of initial multinomial clusters of monosyllabic interjections in Lithuanian. Distributional data on interjections with two- and tripartite initial combinations of consonants are presented. The presentation focuses on the phonosemantic connotations of the second consonant in two-partite initial clusters and the phonosemantic connotations of the first consonant in tripartite initial clusters. Pairs of interjections which form phonosemantic oppositions are studied, e. g. *kliaukšt* : *kaukšt*, *bliu* : *bu*, *skrüpt* : *krüpt*, etc. Their lexical environment is analysed; they are compared to close expressive verbs. The data of research support the assumption that the sounds in the phonetic structure of the interjection are capable of correlating with particular lexical semes. The phonosemantic connotations of the second consonant in two-partite combinations are close to the phonosemantic connotations of the first consonant in single-partite combinations.

А. А. Залевская
Тверской гос. ун-т
Alexandra Zalevskaya, Tver

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА
On Certain Aspects of Natural Semiosis

В процессе познания и общения человеку приходится быть постоянным субъектом процессов естественного семиозиса – либо приписывания значения воспринимаемым знакам, либо поиска знаков как

инструментов рефлексии или как средств, способных обеспечить у воспринимающего их индивида аналогичные значения как посредники для выхода на имеющуюся у него информационную базу.

При рассмотрении особенностей естественного семиозиса возникает ряд вопросов методологического характера, в том числе связанных с принципиальной возможностью или невозможностью означивания в рамках языка как самодостаточной сущности; ролью слова как средства выхода на единую (перцептивно-когнитивно-аффективную) информационную базу индивида; взаимоотношением между разумом и телом человека в процессах означивания; спецификой «достаточного семиозиса» как обязательного условия взаимопонимания при общении; влиянием национально-культурной специфики принятых в социуме норм поведения и оценок на процессы означивания в межкультурной коммуникации и т.д.

При обсуждении поставленных вопросов привлекаются данные как отечественных, так и зарубежных исследований с акцентированием внимания на проблемах познания как семиотического процесса, корпоральной семантики, биокультурной теории значения; особое внимание уделяется специфике слова как достояния индивида, стратегиям и опорам при «выходе» на то, что лежит *за словом* в сознании и подсознании человека.

Е. В. Иванова

Санкт-Петербургский гос. ун-т
Elizaveta Ivanova, St. Petersburg

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОСЛОВИЧНОГО ЗНАКА **Proverbs as Signs: The Cognitive Model**

При рассмотрении языкового знака с позиций когнитивной лингвистики ракурс анализа смещается с отношения между материальным телом знака (или же акустическим образом) и мыслительным содержанием на отношение между эксплицитно выраженной знаком информацией и информацией имплицитной, непосредственно не выраженной.

В самом общем виде когнитивная модель пословицы складывается из двух дескриптивно-когнитивных уровней значения и внутренней формы, образующих двойной фрейм, и взаимодействующего с ними прагматико-когнитивного подуровня сценария. На уровне значения содержится знание о принятых в социуме нормах морали, стереоти-

пах поведения, иными словами, то знание, которое является важным для языкового коллектива и поэтому закрепляется с помощью языкового знака. Уровень внутренней формы отражает бытовые представления, выступает как своего рода «картинка» повседневной жизни.

Пословица представляет собой не только фрейм, но и сценарий, в большинстве случаев имплицитную рекомендацию, как надо действовать, исходя из ситуации-фрейма. Существует определенная аналогия между понятием пословичного сценария и понятием имплицатуры в теории косвенных речевых актов. Различие состоит в том, что имплицуемый смысл реализуется не только при актуальном употреблении пословицы, но присутствует и в пословице-виртуальном знаке. Например, в пословице "Building is a thief" можно обнаружить несколько вариантов сценария: "Don't build, but buy what is already built", "Watch out when something is being built", "If you build something for somebody, steal". При употреблении пословицы в речи реализуется один из вариантов, при этом происходит его определенная конкретизация в зависимости от речевой ситуации.

Подобное схематичное представление содержательного плана пословицы является в первую очередь необходимым при описании пословичной концептуализации мира на основе протяженных фрагментов пословичного фонда, поскольку позволяет получить материал для реконструкции пословичных концептов и прототипов. При обращении же к содержательному пространству одной или двух-трех пословиц предлагаемая модель не является достаточной и требует существенной конкретизации и детализации с целью выявления всего множества семантических связей между компонентами внутренней формы, значения и смысла пословичного знака.

Е. С. Иванова

Уральский гос. ун-т, г. Екатеринбург
Ekaterina Ivanova, Yekaterinburg

СЛОВАРЬ ЭМОЦИЙ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЛИНГВИСТИКИ И ПСИХОЛОГИИ

**A Lexicon of Emotions: On the Cross-Section of Linguistics
and Psychology**

Необходимость определения объема понятия «эмоция» все чаще побуждает исследователей обращаться к изучению естественного языка, индивидуальных словарей эмоций. Наиболее продуктивным

представляется рассмотрение научных и естественных словарей, содержащих номинативы эмоций – слова (существительные), называющие собственно эмоции. Номинатив эмоции – это чаще всего стилистически нейтральное понятие, которое можно рассматривать как знак, объективирующий данное явление психической жизни человека.

В нашем исследовании принимали участие 85 студентов 3 курса (38 девушек и 47 юношей). Средний возраст испытуемых – 19,6 года. Давалась инструкция написать все названия эмоций, которые известны испытуемым.

В группе юношей среднее значение количества названных номинативов составило 13,4 (min=5; max=28). В группе девушек этот показатель составил 17,9 (min=5; max=29). Значимость различий вычислялась по критерию Фишера и составила 13,52, что означает достоверность на уровне 0,999. Таким образом, уровень развития словаря эмоций у девушек достоверно выше, чем в группе юношей.

Не обнаружено значимых корреляций между показателями, характеризующими особенности эмоциональной сферы испытуемых (показатели эмпатии, алекситимии, тревожности, агрессивности, депрессивности), и количеством называемых номинативов. Можно заключить, что **знание** номинативов эмоций и чувств в данном возрасте оказывается слабо связано с непосредственным **осознаванием** этих явлений психической жизни личности.

Сопоставление базовых номинативов – эмотивов, выделенных Л. Г. Бабенко (которые, по мнению автора, являются основой эмотивного словника) с результатами эксперимента показало, что 32,4% этих номинативов не представлены в полученном нами словаре эмоций. При этом следует особо подчеркнуть, что данное сопоставление четко выделило из числа базовых, по мнению Л. Г. Бабенко, категорий те, которые обычно в психологии для обозначения эмоций и чувств не используются (искренность, наглость, высокомерие и пр.) и являются, скорее, номинативами черт личности, нежели называют ее переживания.

В «Русском семантическом словаре» в разделе «Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления», перечислены 258 понятий, из которых 167 являются собственно номинативами эмоций. Сопоставление этого перечня со списком, полученным в результате нашего эксперимента, показало, что только 94 номинатива являются в этих перечнях общими, при этом в «РСС» не упоминаются 39 номинативов эмоций (пр.: удивление, уверенность, любопытство), а испытуемые не воспроизвели 68 номинативов, указанных в «РСС».

Таким образом, лингвистический подход, в основе которого лежат формальные признаки (частота использования того или иного слова, сочетания слов в определенной литературе), имеет ограничения при использовании его для составления полного и содержательного словаря эмоций, что указывает на необходимость сочетания лингвистических средств с методами психологического исследования.

Ф. И. Карташкова, Е. А. Вансяцкая, В. В. Ганина
Ивановский гос. ун-т, Ивановский гос. химико-технологич. ун-т
Faina Kartashkova, Elena Vansyatskaya, Vera Ganina, Ivanovo

**ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ
В НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА**
(на материале англоязычных художественных текстов)
Emotions as Reflected in Non-Verbal Behaviour of Man
(Based on English Literary Texts)

В конце XX века, осознав необходимость учета невербальной системы в изучении проблем коммуникации, ученые (И. Н. Горелов, С. В. Воронин, Г. Е. Крейдлин) обращаются к исследованию специфики невербального кода. Особое место в изучении последнего занимает отражение в языке невербального поведения человека, выражающего эмоции в конкретных коммуникативных актах.

Аналізу было подвергнуто описание невербальных компонентов коммуникации (далее НВК), имеющих как положительный, так и отрицательный вектор. Наиболее типичными являются мимические, жестовые и фонационные НВК. Два вида коммуникативных актов - конгруэнтные (содержание НВК согласуется с характером выражаемой эмоции) и неконгруэнтные (содержание НВК противоречит характеру испытываемой эмоции) - имеют ряд отличий.

Изучение невербального поведения человека в гендерном аспекте показало, что общего в проявлении эмоций мужчинами и женщинами по невербальному каналу больше, чем различного.

При выражении отрицательных эмоций заметные отличия наблюдаются в группе миремических, мимических, респираторных НВК. Данные отражения положительных эмоций свидетельствуют о значимых различиях в двух группах НВК: тактильных и мимических.

Систематизированное описание языковых коррелятов (далее ЯК) рассматриваемых видов НВК позволило проследить сходство и различие между маскулинной и фемининной группами. Заметные различия наблюдаются при описании фонационных НВК, где в маскулин-

ной группе преобладают ЯК, отражающие резкость, силу и четкость звучания голоса. В фемининной группе отмечается превалирование лексических единиц, указывающих на неустойчивость голоса. В группе респираторных НВК преобладают ЯК, описывающие прерывистость голосового тона и особенности дыхания.

Ряд ЯК был проанализирован с позиций фоносемантики (Воронин 1982, 1990). Фоносемантические глаголы и прилагательные присутствуют, главным образом, при описании фонационных, респираторных и тактильных НВК в группе отрицательных эмоций.

С. В. Климова

Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна
Svetlana Klimova, St. Petersburg

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ **On Semantic Reconstructions**

Общеизвестно, что основу номинации составляет мотивирующий семантический признак, реконструкция которого является одной из задач этимологии. В соответствии с характером мотивирующего признака номинация может быть звукоизобразительной и описательной.

В ходе анализа этимологических статей английских словарей было установлено, что круг звукоизобразительной номинации неоправданно сужается. Лишь слова с традиционными онотопозитическими значениями (обозначения крика, лязга, звона и др.) квалифицируются как звукоизобразительные.

При рассмотрении описательной номинации исследователи приводят в качестве примеров лишь незвукоизобразительные лексемы. Слова, производные от звукоизобразительных, часто объявляются словами «неясного происхождения», либо этимологизируются на недостаточную глубину.

Представляется, что знание возможных соответствий между значением и мотивом могло бы подсказать путь поиска этимологического решения, например, при установлении направления семантических связей у полисемантических слов. Выявление подобных соответствий возможно при использовании метода фоносемантического анализа, разработанного С. В. Ворониным.

Если учесть, что звукоизображения объединяются в систему, которая характеризуется сильными семантическими связями, то выявление типичных семантических переходов позволяет также определить направленность влияния одних лексем на другие. Возьмем в ка-

честве примера глагол *paddle* «шлепать (по воде, грязи)». В ряде этимологических словарей предполагается родство с *pad* «брести, идти пешком» и нижненем. *paddelen* «брести», при этом Клейн предполагает первичную, а Большой Оксфордский словарь – вторичную звукоизобразительность *pad*. Обратим внимание на тот факт, что в словарях помимо глагола *pad* зафиксировано существительное *pad* «глухой звук шагов, стук палки (о землю и т. д.)», звукоизобразительность которого отмечается в Большом Оксфордском словаре и Оксфордском словаре английской этимологии, при этом предполагается влияние вышеупомянутого глагола на данное существительное. Более правдоподобной кажется противоположная направленность влияния: *pad* «глухой звук шагов» – *pad* «брести, идти пешком» – *paddle* «шлепать (по воде, грязи)». Хронологически такое предположение возможно, поскольку и существительное, и глагол *pad* зафиксированы приблизительно в одно и то же время (XVI век).

Представляется, что установление типичных семантических переходов способствовало бы решению многих этимологических проблем.

Е. И. Колосова
Казанский гос. ун-т
Elena Kolosova, Kazan

ЗНАК – ЕДИНСТВО ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ? The Word: a Unity of Form and Meaning?

«Слово – не просто знак, это целый мир... Слово – основная единица речи, потому что совмещает в себе сразу многие признаки языка: тут и лексическое значение корня, и грамматическое значение аффиксов, и словообразовательное значение суффиксов, и содержательное значение...» [Колосов 2004: 15]. В современном русском языке отмечен ряд глаголов, которые образуют формы настоящего времени по способу как продуктивного, так и непродуктивного классов глаголов, например: *каплет - капает, машет - махает* и др.

Проблема грамматической синонимии форм настоящего времени у глаголов на *-ать* выходит на межуровневые связи языковых систем: лексической и грамматической. Зависимость грамматической формы от лексической, и наоборот, прекрасно иллюстрируют те глаголы, которые в процессе исторического развития дифференцировали свои параллельные формы семантически. Так, на современном этапе раз-

вития языка у глаголов **клепать**, **метать** и проч. параллельные формы четко распределили между собой глагольные значения. Грамматическая форма закрепляет за собой определенное лексическое значение, например, *клепаю* → значение 'соединять части чего-нибудь заклепками'; *метаю* → значение 'шить крупными стежками', в то же время существует своеобразная обратимость: использование лексического значения руководит выбором грамматической формы: значение 'клеветать' → *клеплю*, значение 'бросать, кидать' → *мечу*.

Существование грамматической синонимии данного типа свидетельствует о незавершенности процесса унификации глагольных основ в парадигмах настоящего и прошедшего времени и, соответственно, о колебании в образовании личных форм глагола и в выборе правильной формы с точки зрения нормы литературного языка. Глаголы в процессе своего развития могут пройти стадию как стилистического, так и семантического размежевания форм, в конечном счете важно только то, что принесет положительный результат. Иногда приходится отмечать несоответствие материала словарей с фактами языковой действительности. Часто авторы разных словарей, отражающих одну и ту же эпоху, дают взаимоисключающие характеристики. Таким образом, одна и та же форма может трактоваться по-разному.

Предполагается рассмотреть историю тех глаголов, устранение грамматической синонимии форм у которых традиционно связывают с семантической дифференциацией параллельных форм, т.е. расхождением форм по значению. В данном случае следует учитывать то, что дифференциация по значению обычно определяется «внутренней необходимостью», самой семантикой. Важно помнить, что одним из классифицирующих понятий синонимов является не только близость (или идентичность) значений, но функционирование их в языке связывается именно с дифференцирующими оттенками в значении. К группе глаголов, устранивших грамматическую синонимию путем семантической дифференциации форм, на современном этапе относят следующие глаголы: **двигать**, **брызгать**, **метать**, **капать**. На наш взгляд, только обзор истории каждого глагола с момента его первого упоминания в словарных статьях до современного состояния (примерно с XI по XX века) даст точное представление о времени и при-

чинах не только появления данного типа синонимии, но также о возможных путях ее устранения.

Литература

Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов / В. В. Колесов. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 703 с.

Г. Е. Крейдлин

Ин-т лингвистики Рос. гос. гуманитарного ун-та (РГГУ), г. Москва
Grigory Kreidlin, Moscow

**ИКОНИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
Iconic Units in Non-Verbal Communication**

Первые работы, посвященные основным единицам невербальной коммуникации – жестам, появились в XVII веке. И вскоре на жесты стали смотреть как на невербальные знаки, способствующие проникновению в историю языка и природу мышления. Сегодня тот факт, что в устном общении люди обычно пользуются сразу несколькими знаковыми системами одновременно, признается безоговорочно. И хотя естественному языку справедливо отдается приоритет, постепенно приходит понимание того, что невербальные аспекты поведения часто играют решающую роль в устном коммуникативном взаимодействии людей. В немалой степени этому способствует давно сложившийся исследовательский интерес к классу иконических (по Пирсу) невербальных знаков и его подклассу – иконических жестов.

Иконические жесты в коммуникации обычно выступают в функции иллюстративных и эмблематических знаков и отражают природный процесс представления мысли. Они репрезентируют физиологически естественные, "натуральные", движения тела, которые в процессе означивания не нуждаются в особых социальных конвенциях. В связи с иконическими жестами возникают важные вопросы: что из себя вообще представляет телесное отображение мира; насколько человеческое тело пригодно и свободно для семиотической концептуализации его различных областей; что представляют собой концептуальные программы и модели, реализуемые иконическими жестами, и какие смыслы жесты при этом выражают; каковы механизмы и пути перехода иконических жестов в символические, в чем состоят особенности коммуникации с помощью иконических жестов и сколь ве-

лика эффективность их распознавания и понимания и другие. Далеко не все эти проблемы даже поставлены, но все они ждут решения.

Основное внимание в докладе уделяется обсуждению некоторых из этих проблем, а для части из них предлагаются предварительные решения.

С. П. Кушнерук
Волгоградский гос. ун-т
Sergey Kushneruk, Volgograd

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТ КАК ЗНАКОВАЯ МАТРИЦА The Business Document as a Matrix of Signs

Высокий уровень унификации и стандартизации документных средств современной специальной коммуникации приводит не только к ограничению используемых лексико-фразеологических средств. Процесс создания документа можно рассматривать как формирование знаковой матрицы, которая удовлетворяет ряду условий, имеющий комплексный характер.

Документ как знаковая матрица в процессе своего формирования испытывает воздействие следующих механизмов:

– стандартизирующих или унифицирующих инструментов, которые не только определяют состав знаковых компонентов, но и их позицию в составе матрицы;

– разнородного состава знаковых средств, включающих вербальные составляющие различных типологических групп, а также – что принципиально важно для документов – широкий спектр знаковых единиц невербального характера;

– крайне ограниченной вариативности во взаиморасположении знаковых средств с их фиксацией в определенном поле носителя и взаимодополняющими коммуникативными функциями, что и позволяет говорить о матричной организации документа как лингвистического объекта.

Номенклатура знаковых средств, используемых в документах, существенно шире, чем в недокументных коммуникативных средствах. Исследовано использование вспомогательной документной символики, выполняющей ряд функций: ранжирующих, рубрицирующих, акцентированных, иллюстрирующих, дополняющих, типизирующих, выполняющих статусные функции и участвующие в такой процедуре, как дизайн документной единицы. Предпринята попытка создания тезауруса символьных средств, используемых в документах.

*В. В. Левицкий, Н. Л. Львова, Черновицкий ун-т, Украина
Viktor Levitsky, Nadezhda Lvova, Ukraine*

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ИСТОЧНИК ЗВУКОВОГО СИМВОЛИЗМА Synesthesia as the Basis of Sound Symbolism

Своим рождением фоносемантика обязана, прежде всего, научным трудам С. В. Воронина, который дал начало новому этапу в развитии ЗС и чей вклад в дальнейшее изучение явлений фоносемантики невозможно переоценить. Развита С. В. Ворониным идея о синестезии, как источнике порождения ЗС, подтверждается результатами проводимых в Черновицком университете исследований. Осуществленное нами психолингвистическое исследование символических свойств начальных сочетаний согласных современного английского языка (типа Вl-, Вr-, Fl-, Fr- и т. д.), позволило получить оценки признаков значений этих сочетаний по 6 шкалам: силы, оценки, активности, ровности, жесткости и размера (эксперимент проводился в университете Лок-Хейвен, Пенсильвания, США). Если в основе ЗС лежит синестезия, то между определенными шкалами должна наблюдаться корреляция. Используемый нами корреляционный анализ показал, что такая корреляция существует между шкалами, которые интуитивно воспринимаются как схожие, например, наибольшая корреляция зафиксирована между шкалами «оценка-ровность», «оценка-жесткость», «ровность-жесткость».

Таким образом, между шкалами наблюдается статистически значимая корреляция. Проведенный анализ свидетельствует о наличии связи между понятиями «сильный-быстрый-большой», «грубый-большой-жесткий» и «приятный-быстрый-ровный-добрый».

*А. Н. Ливанова
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Alexandra Livanova, St. Petersburg*

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ И ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЯХ (на материале норвежского языка) Onomatopoeic and Sound-Symbolic Words in Dictionaries

По разным данным, от одной десятой до одной трети лексики современных языков разных систем восходит к указанным в заглавии

группам. Количество собственно оноματοпоэтических и звуко-символических слов в современных языках, разумеется, менее велико, что демонстрируют и словари. Однако всю ли соответствующую лексику, и адекватно ли, отражают лексикографы?

С. В. Воронин подробно рассмотрел ситуацию с этимологическими словарями. Обращение же как к толковым, так и к двуязычным словарям показывает недостаточную разработанность соответствующих статей практически во всех аспектах. Специально посвященный лексике такого (хотя и не только такого) рода «Русско-английский словарь междометий» Д. И. Квеселевича и В. П. Сасиной 2001 г. в значительной мере непоследователен как в разработке словника, так и в классификации включенных в словарь лексем. Причина такого положения дел коренится не столько в недостаточном внимании авторов к особенностям рассматриваемых группировок лексики, но в сложности самой проблемы, состоящей в противоречивости объекта.

Слова указанных групп далеко не агнонимы и весьма частотны в устной речи; многие из них усваиваются детьми на самых ранних стадиях овладения речью. На письме же они, напротив, встречаются главным образом в прямой речи героев художественных произведений. В связи с этим встают вопросы: а) адекватного отражения фонетического состава соответствующей лексики (так, написание «тпру» и, соответственно, норвежского «ргæ» одинаково плохо передает звучание губно-губного вибранта); б) толкования соответствующих слов (в устной речи такая лексика обычно сопровождается мимикой и жестами, на письме же отражается лишь лингвистический компонент); междометный характер многих из них затрудняет выявление значения. И, наконец, в) – вопрос функционирования рассматриваемых слов: в качестве самостоятельного высказывания, релятива или предиката.

На следующем этапе встает вопрос учета функционирования данной группы слов в составе фразеологических единиц и в качестве словообразовательной базы.

Представленные тезисы будут проиллюстрированы на материале в основном норвежского языка; будут также предложены возможные пути преодоления указанных трудностей.

А. А. Масленникова
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Anna Maslennikova, St. Petersburg

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ИКОНОПИСИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ *The Inverse Perspective in Literary Discourse*

1. Обратная перспектива в пространстве иконы позволяет изменить положение наблюдателя относительно наблюдаемого объекта.

За счет этого наиболее значимые фигуры и предметы вне зависимости от их положения на плоскости могут становиться крупнее, повторяться несколько раз в разных сценах, относящихся к разным временным планам, или создавать симметричные группы.

2. При создании иконы иконописец раскрывает невидимые планы объектов, стены дома или храма, части интерьера.

3. В рамках художественного текста, особенно в романах потока сознания, наблюдаются аналогичные процессы. Вместо того, чтобы наблюдать за событиями, происходящими в произведении извне, читатель помещается автором в многоперспективное пространство, характеризующееся разноцентренностью в изображении. Это пространство значительно разнообразнее, чем пространство, увиденное с позиций прямой перспективы.

4. Символизм положений персонажей, перераспределение скрытых и явных смыслов, взаимодействие с прецедентными текстами создают сложную систему символов и их интерпретаций, порождая новые прочтения литературного текста.

5. Выделяется целый ряд лингвистических средств создания разноцентренности текстового пространства – смена глагольных времен, личных местоимений, локальных и темпоральных наречий и т. п.

Г. Я. Мартыненко
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Grigory Martynenko, St. Petersburg

СЕМИОТИКА ЭСТЕТИЗМА *The Semiotics of Aestheticism*

О семиотике поэзии написано немало. Что касается эстетизма, то здесь штудии не столь обильны. Эстетизм обычно связывают с так называемым *чистым искусством* (или *искусством для искусства*). Для этого направления характерны концентрация внимания на форме

произведения, лиризм, музыкальность, нарядность. Как правило, эстетствующие художники являются активными борцами против заско-рузлых форм и «технического одичания». Иногда в эстетизме может ощущаться некоторая нарочитость, стремление к оригинальности, изощренности, изысканности, а у некоторых эпатажных эстетов – даже страсть к щегольству и франтоватости.

Среди ниспровергателей традиций одно из первых мест принадлежит К. Д. Бальмонту, который в начале XX века «разбудил русскую поэзию от старческого сна» (М. Волошин), заставив «русского читателя думать о языке как об искусстве» (Вяч. Иванов). Семиотический эстетизм продекларирован им в ряде фундаментальных исследований-эссе. В книге «Поэзия как волшебство» впервые заявлен принцип *звукового символизма*, как одного из основных принципов организации поэтической речи, в книге «Светозвук в природе и музыкальная симфония Скрябина» впервые провозглашена идея синонимии и корреляции средств художественной выразительности в разных видах искусств (*медиа-символизм*), что соотносится с современными концепциями мультимедийности в области информационных технологий. В очерке «Русский язык» дается семантическая интерпретация стихотворных размеров, т. е. проводится идея *ритмосимволизма*, учитывающая ритмические особенности русской речи, а в статье «Элементарные слова о символической поэзии» обсуждается техника формирования метафоры в лирической поэзии, основанной на постановке в ассоциативный ряд далеких по смыслу слов (*семиосимволизм*).

В докладе рассматриваются некоторые технические приемы семиотического эстетизма, относящиеся к метрике, звукописи, синтактике, семантике. Анализ осуществлен на материале сонета Бальмонта «Эльф» (сб. «Сонеты солнца, меда и луны», 1917 г.), в котором описывается впечатление поэта от исполнительского мастерства композитора Александра Скрябина в игре на фортепиано.

А. Б. Михалёв

Пятигорский гос. лингвистический ун-т
Andrey Mikhalev, Pyatigorsk

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА
КАК СИСТЕМА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
Lexical Semantics as a System of Phonosemantic Fields**

Мир лексических значений, образующих всё семантическое пространство языка, может получить свое освещение не только через по-

следовательное описание лексико-семантических и словообразовательных полей. У истоков языка, если придерживаться положения о его примарной генетической звукоизобразительности С. В. Воронина, лежат фоносемантические поля. Фоносемантическое поле – это система значений, реализуемых изобразительными свойствами речевого звука, символизацией его артикуляционных и акустических признаков. Основная роль в формировании лексического значения корневого слова принадлежит начальным согласным. Множество артикуляционных признаков, присущих каждому согласному, создает возможность символизации множества экстралингвистических признаков. Дальнейшее развитие семантики происходит путем переосмысления по сходству или смежности. В результате сложившийся в том или ином языке корпус лексики с общим начальным согласным звуком приобретает в семантическом аспекте вид системы, составленной из полей разного объема. Большой объем поля свидетельствует о предпочтении ассоциирования именно данного значения (понятия) с данным начальным согласным. Собственно звукоизобразительные значения, являющиеся генетическими центрами полей, порождают новые – периферийные – поля, сходные или смежные семантически.

Важным моментом в исследовании такой макрофоносемантической системы является выделение гиперсем, по которым объединяются различные разряды слов, образующие фоносемантические поля. В отличие от традиционного компонентного анализа, выводящего семы из эксплицитного состава словарной дескрипции, понятие «гиперсем» учитывает еще и имплицитные признаки денотатов, не представленные в словарных статьях.

Исследование всего корневого словарного состава языка при таком подходе приводит к восстановлению целостной картины распределения фоносемантических полей по всему семантическому пространству языка.

Н. Г. Нестерова
Томский гос. ун-т
Natalia Nesterova, Tomsk

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РАДИОЭФИРЕ

Aspects of Perception of Language Games in Radio Broadcasting

В рамках заявленной проблемы была поставлена задача выявить особенности восприятия фактов языковой игры (ЯИ), зафиксированных в эфире музыкально-развлекательных каналов.

Фактическая по своей сути, речь ведущих музыкально-развлекательных программ, насыщенная языковой игрой, делает общение интересным, непринуждённым, а предмет речи привлекающим внимание.

Наблюдения дают основание сделать вывод, что ЯИ в радиозфире имеет не ситуативный, а регулярный характер и отмечена своей спецификой: служит средством создания образа радиозфира как некоторой материальной реалии, создаёт понятия, присущие радиоэфире (# *шизгара- утро*); имеет свои конструктивные приёмы.

Объектом обыгрывания в данной сфере коммуникации чаще всего становятся названия песен, слова из песен, названия групп, имена исполнителей, анонс музыкальных композиций, различные реалии пространства радиозфира ("*Чуть свет, а я уже в эфире*", "*АБСolutely лысый бывший участник группы "АБС" и его АБСolutely хит*"; "*Разочаровательная песня "Мумий Тролля" "Новая луна апреля"*"; "*Валерий Кипелов раздавал себя направо и налево (о песне "Возьми моё сердце")*").

Проблемы, связанные с восприятием ЯИ в радиозфире, обусловлены прежде всего тем, что в результате несовпадения культурного опыта коммуникантов (радиоведущего и слушателя) может обнаружиться непонимание или недопонимание. При этом мы считаем, что в оценке удачности/ неудачности ЯИ необходимо учитывать такие факторы, как формат радиостанции и ориентированность на целевую аудиторию.

В ряде случаев фразы, содержащие ЯИ, можно квалифицировать как знак радиостанции, её "визитную карточку", особенность, по которой можно отличить её от других каналов (к примеру, по слову *музыкайфный* легко определить, что в эфире "Европа плюс"). По данным анкетирования, подобного рода самоидентификация канала радиослушателями приветствуется.

С. Т. Нефёдов

Санкт-Петербургский гос. ун-т
Sergey Nefedov, St. Petersburg

**МОДАЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ
И СМЫСЛОВОСПРИЯТИЯ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ**
**Modality in the Processes of Generation and Perception
of Meaning in Speech**

1. Антропометрический подход как личностно-ориентированное рассмотрение языковых феноменов и их объяснение с учётом комму-

никативных потребностей, намерений и интересов вовлечённых в общение людей и в связи с этим возросшее внимание лингвистов к языковым категориям референции, дейксиса, модальности, непосредственно связанных с отражением в языке параметров и условий речевого взаимодействия коммуникантов.

2. Модальность как одна из актуализационных, коммуникативно-прагматических категорий высказывания, как знаковая «инструкция» говорящего, адресованная реципиенту с целью адекватного смысло-восприятия им речевого сообщения, отражающая «невидимый мир» «информационных», «волевых» и «эмоциональных» психологических состояний говорящего и находящая языковое воплощение в разноплановых носителях модальных значений.

3. Смысловое поле модальности естественного языка и корреляции его основных содержательных сегментов с ведущими аспектами говорящей личности как психофизической сущности – с её интеллектом, волей и чувствами и эмоциями.

4. «Когнитивные» модальности, отражающие степень осведомлённости говорящего и его оценку достоверности сообщаемой адресату информации; их нацеленность на изменение информационного состояния сознания адресата/говорящего.

5. «Волевые» модальности, отражающие волевые установки говорящего, направленные на адресата и предполагающие соответствующие поведенческие реакции со стороны партнёра по общению.

6. «Эмотивные» модальности, отражающие ценностные отношения и эмоциональные реакции говорящего на сообщаемое и нацеленные на активизацию и согласование шкал оценок, систем норм и стереотипных представлений коммуникантов.

John Ohala

USA

Джон Охала, США

**THE FREQUENCY CODE AND ITS IMPLICATIONS
FOR THE ARBITRARINESS OF THE SIGN**

Частотный код и произвольность знака

Morton (1977), examining the agonistic vocalizations in various birds and non-human mammals, explained the common use of low fundamental frequency (F0) in threat displays and high F0 in submissive displays thus:

typically, the relative size of the vocalizer correlates with the individual's modal fundamental frequency and, other things being equal, the larger individual would usually prevail if the conflict were to lead to actual combat. Thus, a threatening individual may enhance its apparent largeness and likelihood to prevail by using a low F0 and a submissive individual, its apparent smallness and thus lack of threat, by using a high F0. There may also be an element of infant mimicry in the use of high F0. Calling this the "frequency code" Ohala (1984), I claimed that the same use of F0 is found in human language in the typical F0 of questions and statements (where the cooperation of the interlocutor is sought or not), and in the use of F0 and vocal tract resonances in what is known as "sound symbolism", i.e., the association of low F0 and consonants and vowels with low resonant frequencies ([grave] consonants and low-back vowels) for "large" words and those with high resonant frequencies ([acute] consonants and high-front vowels for "small" words). In addition he suggested that the frequency code could also explain the typical mouth shapes in human and non-human agonistic facial displays: lip corners retracted (in humans, the "smile") to show affinity and lips constricted and protruded to show antagonism – due to the effect that these mouth shapes would have on the resonances of an accompanying vocalization. Such signals, however, where there is a direct sound-meaning correlation (acoustic frequency and relative size) are characteristic of only a small fraction of human's vocal repertory. The vast majority of human utterances consist of signs where the sound-meaning correlation is arbitrary. But, looking again at animal signals and humans' use of sound symbolic utterances, it must be concluded that there may be a continuum, not a dichotomy, between 'iconic' and 'arbitrary'. I explore this idea, the evidence for it, and its implications.

References

- Morton, E. W. 1977. "On the occurrence and significance of motivation-structural rules in some bird and mammal sounds," *American Naturalist* 111, 855-869.
- Ohala, J. J. 1984. An ethological perspective on common cross-language utilization of F0 of voice. *Phonetica* 41.1 - 16

И. Ю. Павловская, Ю. Г. Седелкина
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Irina Pavlovskaya, Yulia Sedelkina, St. Petersburg

**ФОНОСЕМАНТИКА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ:
О ВОСПРИЯТИИ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ
КОМПЛЕКСОВ В УЧЕБНОЙ АУДИТОРИИ**
**Phonosemantics in Communication: Perception of Phonosemantic
Lexical Complexes in Classroom Situations**

В качестве основной единицы в психолингвистических моделях порождения речи выступает не отдельный элемент, а определенная последовательность элементов, лексический комплекс, коммуникативная значимость которого как для изучающих иностранный язык, так и для его носителей говорит о том, что подобная единица существует в речи естественным образом. В составе фоносемантических лексических комплексов функционируют явления звукоизобразительности и звуковые повторы, являющиеся своеобразными фонетическими и интонационными опорами для учащихся, поскольку чувственная (внешняя) сторона фоносемантических лексических комплексов тесно связана со смысловой (внутренней) стороной. В иноязычной незнакомой или малознакомой речи привычные системные семантические закономерности затемняются, и восприятие фонетического значения обостряется. Факт наличия закономерной, фонетически мотивированной связи между формой звукоизобразительного слова и его смыслом позволяет также говорить о фоносемантическом способе семантизации иноязычной звукоизобразительной лексики, что подтверждается рядом проведенных экспериментов.

Е. В. Петухова
Курский гос. ун-т
Elena Petukhova, Kursk

**ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
И МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ**
Iconic Lexicon and Metaphoric Shifts in Meaning

Термин "метафоризация" определяет явления различной природы. Так, в стилистике метафоризацию относят к изобразительным

категориям как способам образного представления реалий художественного мира, воспринимаемым в качестве своеобразных зон поэтической семантики, где речевые средства манифестируют разновидности художественного обобщения. Говоря о метафоризации значения в семантике, подразумевают процесс производства сложной семантической структуры на базе исходных единиц, а сама метафора в этом случае представляет собой семантическое производное, языковое явление деривационной природы. Вместе с тем все определения указывают на способность метафоризации давать представления о становлении чего-то нового.

Поскольку метафоризация основана на ассоциативных связях человеческого опыта, в основе любого метафорического переосмысления всегда лежит антропометричность – способность представить одну сущность как если бы она была подобна другой. Поэтому метафора несет в себе ценную информацию о собственно человеческих знаниях и представлениях, о концептуальной системе людей в разные исторические эпохи, а вместе с тем и о системе национально-культурных ценностей и стереотипов. Иными словами, любая метафорическая инновация фиксирует мировоззренческий, общественный и культурно-исторический опыт носителей языка.

В связи с этим несомненную значимость приобретают процессы развития значений звукоизобразительной системы языка, поскольку сама эта система обладает рядом специфических черт. Рассмотрим, например, один из многочисленных случаев метафоризации значения звукоизобразительных слов – семантическую эволюцию лексемы *chip*:

Chip (v) (< O.E. *forcipian*) "to pare away by cutting" и **chip** (n) "a small, slender piece, as of wood or stone, separated by chopping, cutting, or breaking". Значение "электронный чип" появляется в 1962 году и, вероятно, является результатом развития значения "a small, slender piece"; а значение "чипсы" (Potato chip) зафиксировано в 1859 году и также связано с первоначальным.

Выражение **a chip on (one's) shoulder** означает "an antagonistic or quarrelsome disposition" и снова соотносится со значением лексемы **chip** "a small, slender piece, as of wood or stone, separated by chopping, cutting, or breaking". Имеются данные о том, что в XIX веке человек, желающий поучаствовать в драке, должен был положить себе на плечо щепку (a chip). Другие же должны были эту щепку сбить. Подобный ритуал привел к появлению в языке выражения **a chip on (one's) shoulder**, один из элементов которого является звукоизобразитель-

ным. Естественно, в данном выражении языковой знак подвергся денатурализации, однако, он не перестает быть примарно звукоизобразительным.

Интересно было бы проследить взаимосвязь метафоризации значений и развития национально-культурных ценностей и становления стереотипов именно в такой экспрессивно-эмоционально сфере, как звукоизобразительная лексика. С другой стороны, весьма интересным представляются семантические изменения единиц звукоизобразительной системы, а также взаимодействие примарной (отприродной) и секундарной связи, лежащих в основе номинации.

В. А. Пищальникова
Ин-т языкознания РАН, г. Москва
Vera Pishalnikova, Moscow

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗВУКОВОГО СИМВОЛИЗМА
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**
Using Sound Symbolism in Language Teaching

Исследуя психофизиологические основы звукового символизма, С. В. Воронин аргументировал необходимость введения понятия синестемии как присущих перцептивной деятельности человека «различного рода взаимодействий между ощущениями разных модальностей (реже между ощущениями одной модальности) и между ощущениями и эмоциями». Такие взаимодействия носят универсальный характер и потому позволяют рассматривать фоносемантический компонент значения слова как универсалию, в значительной мере определяющую речевую деятельность индивида.

Фоносемантика каждого языка, как показали экспериментальные психолингвистические исследования, имеет универсальные и национально специфические черты. При изучении иностранного языка говорящий воспринимает иноязычную звуковую материю прежде всего с опорой на фоносемантику родного языка. Это положение оказывается чрезвычайно важным в практике преподавания и изучения иностранного языка. Известно, что эксперименты А. П. Журавлева подтвердили 1) наличие психологически актуального для носителей языка фоносемантического содержания лексем, 2) то, что носители языка интерпретируют незнакомые слова с опорой на имеющиеся фоносемантические закономерности, сформированные на базе родного язы-

ка. И. Н. Горелов экспериментально доказал, что вне фоносемантического содержания в условиях, не предполагающих обдумывание, интерпретация непонятных слов не осуществляется. В ряде экспериментов мы попытались уточнить, влияет ли расхождение исконной и иноязычной фоносемантики на восприятие и характер понимания иноязычного слова? В нашей серии экспериментов испытуемые, не владеющие английским языком, на первом этапе должны были определить, к какому языку относятся предложенные псевдослова (псевдослова были сконструированы с использованием морфем английского, немецкого и французского языков). Испытуемые, опираясь на знание грамматики в той или иной мере известных им иностранных языков, методом исключения правильно вычленили группу псевдоанглийских слов. На втором этапе эксперимента испытуемые должны были дать толкование выделенных псевдоанглийских слов и низкочастотных английских слов. Предполагалось, что здесь обнаружатся основные стратегии восприятия псевдослов, что позволит экстраполировать полученные выводы на стратегии восприятия незнакомых иноязычных слов. На третьем этапе испытуемым предлагалось соотнести нечастотные английские слова с их хаотично представленными во втором столбце переводами. Результаты эксперимента показали, что большинство интерпретаций псевдослов основано на явлении синестезии: звуковая оболочка слова соотносится с представлениями о различных перцептивных воздействиях. Количество таких интерпретаций в группе испытуемых составило 72%. Так, полученные интерпретации слова *boisterous* можно условно разделить на несколько групп: а) интерпретации, связанные с неприятным впечатлением от характера действия, признака: *напряженность 4, беспорядок 4, бузить, нестерпимый, крикливость, кич 4, неразбериха*; б) интерпретации, основанные на сближении по созвучию с русскими словами: *бастард, астероид*; в) однозначно не интерпретирующиеся единичные ассоциации: *бордовый цвет, смешно, спорт*. Таким образом, информанты в 72% случаев восприняли доминантную фоносемантическую характеристику звукового комплекса *boisterous* с позиций фоносемантики родного, русского языка («неприятный, агрессивный, неясный») и интерпретировали слово с учетом этой характеристики. Результаты эксперимента позволяют предположить следующее. Поскольку фоносемантика иностранного слова интерпретируется исходя из фоносемантических закономерностей родного языка, она в большинстве случаев не позволяет испытуемым правильно предположить значение слова. Таким образом, на этапе овладения иноязычным сло-

вом у реципиента *нарушается* привычная и закономерная связь *понятийного и фоносемантического компонентов значения*, являющаяся необходимым условием понимания слова. В некоторых случаях фоносемантика подсознательно формирует негативное отношение к иноязычному слову, что, безусловно, влияет и на характер освоения иноязычной лексики. В докладе предлагается система упражнений для изучения определенных групп лексики английского языка с учетом фоносемантического содержания слов.

Л. П. Прокофьева

Саратовский гос. медицинский ун-т

Larissa Prokofieva, Saratov

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА ЗВУКА В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ **The Colour Symbolism of the Sound: the Gender Aspect**

1. Цветовая символика звука (ЦЗ) как одна из форм художественного мышления исследуется, с одной стороны, в тесной связи и на базе явления синестезии (С), с другой – как проявление метафоричности человеческого мышления. У современных исследователей нет однозначного общепринятого представления ни по первому, ни по второму понятию, хотя, на наш взгляд, основное противоречие состоит в широком и узком его понимании. По нашей гипотезе, существует три основных типа продуцирования цветовой символика звука: *интенциональный (индивидуальный), подсознательный (национальный) и бессознательный (универсальный)* [Прокофьева, 2000].

2. С обусловленность ЦЗ позволяет говорить об общеязыковой системе звуко-цветовых соответствий, заложенных в самом языке и психофизиологии его носителей. Многочисленные эксперименты по цветовому ассоциированию звукобукв русского языка позволили свести полученный материал в своеобразную национальную матрицу [Иванова-Лукьянова, 1966; Журавлев, 1974; Прокофьева, 1997]. При этом обобщения данных о гендерных отличиях сделано не было, хотя обычно отмечалось, что женские ассоциации ярче мужских. В связи с этим интересно систематизировать полученные результаты, так как это позволит приблизиться к ответу на главный вопрос об универсальности/уникальности явления ЦЗ.

3. Рассматривая гендерный аспект проблемы, все исследователи говорят о том, что количество женщин среди синестетов превышает

количество мужчин по меньшей мере в 3 раза (данные по США), или даже в 8 раз (данные по Великобритании) [Cytowic]. Но, во-первых, это сведения по «real synaesthesia», а «псевдосинестезия» (термин, принятый в США для обозначения всех видов межчувственных ассоциаций, не попадающих под «строгое» определение С), не подтверждает указанной статистики. Во-вторых, в строгом смысле такое сопоставление в принципе некорректно, так как сопоставляет разное понимание С.

4. Наши аудиторские эксперименты по методике А. П. Журавлева (500 информантов, 17000 ответов) показывают, что носители русского языка легко способны продуцировать цвето-звуковые ассоциации, причем процентное соотношение женщин и мужчин различается незначительно:

	Мужчины	Женщины
Наличие реакции	85%	95%
Отсутствие реакции	15%	5%

Гипотетически это свидетельствует об универсальном характере синестезических ассоциаций этого вида и может быть косвенным доказательством наличия национального своеобразия их проявлений (в сравнении с американскими – [Прокофьева, 2003]), т.к. элементарный эксперимент студентов из Беркли С. Liriano и А. Leon по сходной методике дал всего 13% принципиального наличия таких ассоциаций и соотношение 88% и 12% женских и мужских реакций соответственно [Liriano, Leon].

В. А. Разумовская
Красноярский гос. ун-т
Veronika Razumovskaya, Krasnoyarsk

**ИЗОМОРФИЗМ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ
КАК БАЗОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДЕКВАТНОСТИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
Isomorphism of Form and Meaning as a Basic Component
of Adequacy in Translation of Poetry**

Своеобразие и неисчерпаемость поэтического оригинала имеет в своей основе ряд языковых и поэтических закономерностей, функционирующих комплексно. Данные закономерности носят универсальный характер. Одним из таких универсальных явлений выступает

изоморфизм, предполагающий отношения симметричного или ассиметрического равенства. Отношения равенства обоих видов устанавливаются прежде всего между формальными и содержательными (семантическими) параметрами поэтического произведения и реализуются практически на всех языковых уровнях. Наиболее рельефно изоморфизм поэтического текста представлен на пересечении поэтического и семантического уровней, где формируется особый фоносемантический уровень поэтической ткани, являющейся базовой константой языка поэзии.

Можно выделить по крайней мере два основных вида отношений изоморфизма: 1) Изоморфизм, проявляющийся в пределах поэтического текста и обеспечивающий неисчерпаемость и своеобразие данного текста как поэтического факта. Условно назовем такой вид изоморфизма «внутренним»; 2) Изоморфизм, проявляющийся в процессе поэтического перевода и делающий данный перевод возможным. Условно назовем такой вид изоморфизма «переводным».

Обращение к переводу поэтического текста с позиций изоморфизма формы и содержания всей поэтической ткани и его отдельных участков позволяет в свою очередь обратиться к проблеме выделения единицы перевода как фрагмента текста, относительно которого переводчик принимает решение на перевод (Р. К. Миньяр-Белоручев). Учет «внутреннего» изоморфизма исходного поэтического текста и обращение к «переводному» изоморфизму позволяет сделать вывод о том, что поэтический перевод предполагает снятие не только исходной семантической информации, но, что является более точным, информации фоносемантического плана. Возможность решения ряда проблем поэтического перевода с позиций фоносемантики (С. В. Воронин) позволяет по-новому взглянуть на ключевые переводческие проблемы (единица перевода, изоморфизм при переводе, взаимодействие значения и выражения в процессе перевода, ассиметрия языкового знака при переводе) и рассмотреть их в новом свете.

И. А. Рёбрушкина

Мордовский гос. ун-т, г. Саранск

Irina Riobrushkina, Saransk

О ТЕРМИНЕ «ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА»

On the Notion of the Word's Inner Form

Для решения многих проблем семиологии и семасиологии весьма важным является вопрос о внутренней форме слова. Хочется сделать

некоторые замечания о термине *внутренняя форма слова*, то есть, собственно, о его внутренней форме. Надо полагать, именно в ней кроется причина неоднозначного понимания термина разными учеными. Сигнификативный компонент термина затемнен, надо думать, вследствие недостатков его экспонента (плана выражения), который представляет собой почти оксюморон: ведь форма – это то, что принято считать внешней, а не внутренней характеристикой слова. На нелепость этого терминологического сочетания ученые сетуют постоянно. Но справедливости ради хочется заметить, что такой экспонент все же может быть оправдан в применении: выделение у слова внешней формы как некоторого звукового (графического) комплекса, приписанного некоторому значению целиком и потому прикрепленного к значению часто условно и «необъяснимо», наталкивает на мысль о том, что эта «внешняя» форма может быть расчленена, и в этом случае обнаружится ее не условная, а обусловленная, «объяснимая» (то есть мотивированная) связь со значением. Одно дело, когда звуковой или графический комплекс *лингвистика* приписывается соответствующему значению, понятию целиком, «бездумно», как ярлык, другое дело, когда форма этого слова подвергается осмыслению, расчленению (*лингвист-ик-а* – с одной стороны, родственное лат. *lingua*, с другой – сопоставимое с *математика*, *физика* и др.) и начинает «говорить» о соответствующем значении. Расчленение «внешней» формы на более простые компоненты, увязанные с обозначаемым, видимо, воспринимается как проникновение вглубь ее, *внутрь*, отсюда и «внутренняя» форма.

Несмотря на проделанный нами «оправдательный» экскурс в этимологию рассматриваемого термина, заметим, однако, что его экспонент все же не удовлетворяет требованию точности, так как вторая, «внутренняя», форма по сравнению с первой, «внешней» – простым нерасчлененным звукокомплексом, – это уже все-таки не вполне «форма», поскольку она воспринимается только вместе со значением (буквальным) неразрывно.

Yuri A. Sorokin, Moscow

Ю. А. Сорокин

Ин-т языкознания РАН, г. Москва

LANGUAGE CONTACTS: CONFLICT INTERACTION?

Контакты в языке: конфликтные взаимодействия?

Any language appears to be nothing but a unity of axiological fields that are heterogeneous by their energetic and teleological potentials. In other words, the languages should be considered as recurrent energetives

(teleologytives) of different character: fiction-related, colloquial, jargon/slang, argot, etc. Their stylistics is basically and primarily composed of opposing motives that are represented in speech-related (textual) space either optionally or obligatorily.

Oppositionality of speech-related (textual) spaces justifies availability of security systems (cognitive, logical and tropological ones) that allow for textual spaces to preserve their own individuality in the expansion-driven and, thus, unstable environment.

If we bear in mind the facts that (1) each language seeks to remain in a monological domain and tends to use dyglossy only as a veiling mask; (2) each language exists in a non-verbal environment (actions and deeds) which is opposed to a verbal one, and that (3) the components of a non-verbal environment also hold confronting characters towards each other, then there is a strong evidence of an ever-increasing necessity to specify conflict states (within the frames of CONFLICTOGENESIS). Conflict states, evidently, seem to be requiring differentiation and specification both within verbal and non-verbal spaces (in this respect confer "Introduction to General Conflictology" by Dmitriyev A., Kudryavtsev V., Kudryavtsev S., Moscow, 1993 (in Russian), as well as "Ethnic Conflictology" by Sorokin Y. A., Samara, 1994 (in Russian)).

The said would inevitably, in its turn, entail resolution - both on a theoretical and operational-pragmatic levels - of a number of interrelated and rather complicated questions, namely: (a) how to measure ideationistic, idealistic, sensual, and the like factors (refer to Peterim Sorokin) inherent in linguo-cultural communities and to have them compared by these factors; (b) how to develop individuals' and general "world pictures" and how to analyse their nature, as well as "one's own" vs. "other's" imagery; (c) what is the value of priority attitudes: to act or to reflect, to repress or to stay tolerant, to repeat doing things or to invent new ones; (d) what kind of relation should there be towards natural and anthropogenic landscapes - creative and emphatic or the contrary ones.

И. А. Стернин
Воронежский гос. ун-т
Iosif Sternin, Voronezh

ЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ, КОНЦЕПТ **Sign, Meaning, Concept**

В современной теоретической лингвистике интенсивно обсуждается проблема концепта как единицы ментальной сферы человека. В связи с этим встает вопрос о соотношении концепта и значения слова,

в равной мере называемых знаками языка. Под влиянием когнитивной моды эти понятия очень часто отождествляются, а точнее, значение переименовывается в концепт и термин «семантический» просто переименовывают в «когнитивный», что запутывает и без того непростые отношения между значением и концептом и приводит к многим теоретическим недоразумениям и неразберихе в конкретных исследованиях, особенно диссертационных. Предложим свое понимание разграничения данных понятий и методик их исследования.

Проанализировать соотношение концепта и значения целесообразно через категорию отражения. Это позволит выявить как то общее, что их связывает, так и то специфическое, что их различает.

Сознание человека, локализуясь в мозге и являя собой функцию мозга, отражает объективную и субъективную действительность. Как значение, так и концепт в равной степени представляют собой результат когниции – отражения действительности сознанием.

Для современной философии, психологии, психолингвистики, нейрофизиологии и ряда других наук очевидным является неоднородность сознания, что проявляется в сосуществовании разных видов сознания. Для рассмотрения поставленной нами проблемы существенным является разграничение *когнитивного сознания* (сознания, представляющего собой информационный тезаурус человека, образумый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность) и *языкового сознания* (закрепленного языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных значений языковых знаков). Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании и образующие само содержание этих видов сознания.

Подчеркнем, что концепт и значение в равной мере явления когнитивной природы, они представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). *Концепт* понимается нами как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. При этом *значение* выступает как *часть концепта*, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном со-

обществе языковым знаком и представляющая собой *коммуникативно релевантную* для данной лингвокультурной общности часть концепта.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях. В связи с этим целесообразно разграничить два типа значений.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редуccionизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редуccionизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный редуccionизм. Логический редуccionизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редуccionизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

Получаемое в результате применения принципа редуccionизма при составлении словарной дефиниции значение можно условно называть *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном им семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и любые наблюдения над текстовым употреблением слова легко опровергают данное представление о значении.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального значения* слова. Психологически реальное значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализируется у изолированно взятого слова в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных.

Психологически реальное значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психологически реального значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться при предъявлении соответствующего слова. Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка. Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде компонентов – когнитивных признаков и когнитивных классификаторов.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами – совокупностью слов, образующих лексическое поле, фразеологическими единицами, поговорками, текстами, в которых толкуется соответствующий концепт и его отдельные компоненты и т. д. Совокупность этих средств образует номинативное поле концепта.

Е. С. Татарина

Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов
Ekaterina, Tatarinova, St. Petersburg

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ОСНОВ – ОБОЗНАЧЕНИЙ РЕЗКОГО ДВИЖЕНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЖАРГОНЕ**

**Iconic Word-Bases in Designations of Sharp Movement Evidenced
in English Professional Jargon of Economists**

1. Профессиональная экономическая деятельность, являясь достаточно широким понятием, включает в себя процессы купли-продажи, осуществление разнообразных денежных операций, например, платежа, обмена валюты, маркетинг, менеджмент и т. д. Однако, для всех, столь разных, областей экономики прослеживается общая черта: быстрота и стремительность производимых операций, обуславливающие деловой успех, получение прибыли.

2. Лексика, используемая в профессиональном общении экономистов, не ограничивается лишь специальной терминологией. Наряду

со специальными, экспрессивно нейтральными, экономическими терминами экономисты используют и профессиональный экономический жаргон – часть лексики и фразеологии в основном с общей экспрессией, функционирующей в пределах деловой коммуникации в условиях неофициального общения экономистов для обозначения различных экономических понятий.

3. Экспрессивность экономического жаргона регулярно формируется на фонетическом уровне за счет звукоизобразительности. Звукоподражательные и звукосимволические основы практически всех типов широко представлены в экономическом жаргоне. Однако преобладают звукоподражательные основы, передающие резкие, обрывистые удары (структурно – типы 1, 10, 12 универсальной классификации звукоизобразительной лексики), а также звукосимволические основы – обозначения резкого движения. Известно, что модели обозначений резкого движения идентичны моделям типа 1,4,12 звукоподражаний. Многие исследования по звукоизобразительности английского языка, в которых классификация звукоизобразительных основ проводится исходя из семантики последних, отмечают способность звукоподражаний типов 1,12 переходить в звукосимволические обозначения резкого движения. В ономотопах данных типов основную звукоизобразительную функцию – изображения обрыва, резкого, внезапного прекращения действия – выполняет взрывной ауслаут, следующий обычно за кратким гласным. Способность взрывных, следующих за кратким гласным, изображать резкое движение отмечают многие исследователи звукоизобразительности (Газов-Гинзберг 1965; Aston 1894; Jespersen 1949; Gonda 1940). Таким образом, следует относить изображения резкого движения к звукосимволическим образованиям, содержащим, однако, звукоподражательный момент (Барташова 1987; Иванова 1990; Климова 1986).

4. Преобладание ЗС основ-обозначений резкого движения возможно объяснить стремительностью, быстротой протекания разнообразных экономических операций – продажи, рекламирования, оплаты, обмена денег, а также различных незаконных действий в экономической сфере – обмана клиентов, взяточничества – для успешного осуществления которых необходима быстрота и стремительность. Так, звукосимволические обозначения резкого движения выделяются в экономических жаргонизмах: **picker-up** – a thief or a swindler “picking up” an unwary person; a dealer buying on quotations trickily obtained from

a member trapped into giving a wrong price; **kick in** – to make payment; **plunge** – to spend money or bet recklessly, to speculate deeply; **jump** – to rise a lot (about the price); **leap** – to rise a lot (about the price); a considerable rise (of prices). ЗС обозначения резкого движения используются также для номинации продавца и покупателя, которые должны действовать быстро, стремительно для осуществления выгодной покупки и продажи: **counter-jumper** – a salesman or shop assistant serving customers at a counter; **cherry-picker** – a shopper who goes from shop to shop buying a particular article in the shop where it is cheapest and buying nothing else there.

А. Г. Телецкий
Санкт-Петербургский гос. у-нт
Andrey Teletsky, St. Petersburg

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(на примере немецкой газетной прессы)

Strategic Planning of Political Texts (based on German Newspapers)

При порождении текста автор сталкивается с проблемой выбора конкретного речевого материала. Варьируя языковые единицы, отправитель получает возможность воздействовать на получателя в соответствии со своими неречевыми задачами. Это особенно актуально для политического текста. Можно говорить о двух основных видах воздействия: аргументации и внушении, соотнося их с рациональным и эмоциональным воздействием. При этом в радикальной прессе больший упор делается на второй вид.

Порождение политического текста сопровождается планированием, при котором отбор языковых знаков становится сознательным и осуществляется в соответствии с коммуникативной стратегией автора. Под стратегией следует понимать схему действий, реализующих определенную коммуникативную цель. Важная задача стратегического подхода к описанию знака заключается в ответе на вопрос о механизме реализации неречевых задач через варьирование знаков языка, а также вопрос о функционировании знаков в их последовательности.

С точки зрения контроля над порождением текста представляется возможным выделить основные и вспомогательные стратегии. Основные стратегии организуют знаки в последовательности. И хотя

сама по себе стратегия имеет семантическую природу, в тексте она определяет как семантику, так и синтактику и прагматику знака. Использование стратегического подхода позволяет рассматривать знак как этап развертывания смысла текста.

Вспомогательные стратегии устанавливают определенные правила, касающиеся выбора знаков языка, к примеру, в целях политкорректности или, наоборот, побуждения к действию. Известным примером в немецкой прессе является негласный запрет лексических единиц, вызывающих ассоциации с нацизмом. Вспомогательные стратегии осуществляют выбор знаков, принятых в целевой аудитории и ожидаемых ей. Это, например, использование политических ярлыков в конкретной политической партии.

Использование стратегического подхода в исследовании знаков языка будет способствовать оптимизации политической коммуникации. Это является актуальной задачей в условиях возрастающей роли политического дискурса.

Tatyana Tretiakova, St. Petersburg
Т. П. Третьякова
Санкт-Петербургский гос. ун-т

“ECOLOGY PRINCIPLE” IN TEXT ANALYSIS **«Принцип экологии» и анализ текста**

Systemic approach in text analysis is connected with the “ecology principle” (S. V. Voronin) which implies the interaction of the text with the environment. This principle allows to make genre development analysis and discourse interpretation of mini-texts.

Е. Б. Трофимова, Е. Ю. Деревягина
Бийский гос. пед. ун-т им. В. М. Шукшина
Elena Trofimova, Ekaterina Dereviagina, Biysk

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ СИГНАЛОВ **НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА** **Verbalization of Visual Signals by Speakers of Russian**

Работа представляет собой экспериментально-теоретическое исследование, цель его – в проверке гипотезы, согласно которой первичный механизм процесса языкотворчества, возникший в глубокой

древности, сохраняется в своих основных чертах до настоящего времени, подобно тому, как, в сущности, не изменен общий облик человека, его способность осязать, слышать, обонять. Здесь представлен лишь один из этапов проводимого исследования.

В качестве зрительных сигналов, подлежащих вербализации, использовались, во-первых, различного рода геометрические фигуры, имеющие нестандартную форму, во-вторых, нетрадиционные обозначения цветового спектра, представленные смешанными оттенками стандартных единиц цвета. Респондентам, взрослым носителям русского языка, имеющим среднее образование, предлагалось передать впечатление от восприятия указанных сигналов с помощью псевдослов, протяженность и состав которых не ограничивались (общее число участников эксперимента – 50 человек). Нетрадиционность сигналов в данном случае – результат неуспешности экспериментов, проведенных на предыдущем этапе исследования, когда использование общеизвестных фигур (квадрат, треугольник, круг...) и столь же привычных обозначений цвета (синий, красный, желтый...) вызвали ярко выраженные ассоциации с названиями фигур и цветообозначений. Например, при восприятии квадрата подавляющее большинство информантов в состав псевдослов включали звуковую последовательность «кв» или «др». Столь же зависимые от кодифицированных наименований реакции наблюдались при предъявлении стандартных обозначений цвета.

Полученные в результате повторных экспериментов псевдослова анализировались с позиции их звукобуквенного состава. При вербализации восприятия нестандартных геометрических фигур респонденты уже не опирались на привычные стратегии наименований. Наиболее частотными в составе окказиональных слов оказались сонанты [р], [м], [л], взрывной [к], гласные [а], [и]. Перечисленные звуковые единицы в определенной степени указывают на отражение в реакциях общеязыковой частотности синтагматического использования фонем русского языка. Сам процесс вербализации особых затруднений не вызвал, однако противопоставленность геометрических фигур недостаточно четко отражена в псевдословах. Анализ псевдослов, полученных в результате вербализации восприятия респондентами цветообозначений, показал, что в процессе эксперимента информанты испытывали значительные трудности, что проявилось как в количестве отказов от ответов, так и в большом разбросе реакций.

Сравнении реакций на «форму» и «цвет» показало, что в целом реакции на первый из указанных стимулов поддаются классификации,

поскольку они, несмотря на не всегда достаточно четко выраженное различие, однородны, реакции же на цвет малопредсказуемы, случайны, что скорее всего обусловлено противопоставленностью по линии дискретность-континуальность. При введении в инструкцию требования ограничить реакцию на каждый стимул одной звукобуквой предсказуемость результатов резко возросла: в ответах присутствовали преимущественно длительные звуки – гласные, сонанты и спиранты, причем прослеживалась определенная зависимость между цветом и акустическими характеристиками, представленных в реакциях звуков.

В перспективе по данному исследованию предполагается: увеличить количество участников эксперимента; в качестве респондентов привлечь разновозрастных носителей языка; провести обратный эксперимент, используя в роли стимулов наиболее частотные реакции респондентов; привлечь к эксперименту разноязычных носителей; аналогичные исследования провести на стимулах иной природы.

Е. М. Трофимова, О. Н. Колтакова
Бийский гос. пед. ун-т им. В. М. Шукшина
E. M. Trofimova, O. N. Koltakova, Biysk

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОДИРОВАНИЯ
И ДЕКОДИРОВАНИЯ КОГНИТИВНО СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ**
**Research into the Coding and Decoding Processes
of Cognitively Complex Objects**

Коммуникация с окружающим миром – это сочетание процессов кодирования и декодирования. Обыденное общение чаще всего связано с кодированием такой информации, которая имеет несколько вариантов интерпретации. Стремясь к тому, чтобы быть понятыми, мы должны учитывать факторы, влияющие на процессы кодирования и декодирования.

Познание не является логичным, полностью алгоритмизированным процессом. Понимание этого заставляет ученых исследовать роль эмоций в процессе познания. Так, Л. С. Выготский говорил о существовании динамических смысловых систем, «представляющих собой единство аффективных и интеллектуальных процессов». В свою очередь С. Л. Рубинштейн писал о мышлении как единстве интеллектуального и эмоционального. Исследования мотивационно-эмоциональной регуляции мыслительной деятельности проводились О. К. Тихомировым и его последователями (И. А. Васильевым,

В. Е. Клочко, Ю. Е. Виноградовым и др.). Изучение процесса сличения объектов разной модальности приводит психологов к идее «коннотативной синонимии» (П. В. Яньшин) или «эмоциональной знакомости» объектов, воспринимаемых как сходные (Е. А. Лупенко).

Теоретический анализ работ по рассматриваемой проблематике позволил нам предположить, что успешность декодирования объектов зависит от их эмоциональной схожести с кодируемыми объектами. Для проверки данной гипотезы использовалась следующая методика. Были отобраны двенадцать объектов – характеристик эмоциональных состояний, различных по факторам оценки, силы и активности Ч. Осгуда. На первом этапе испытуемым был предложен данный материал для эмоционального шкалирования и кодирования с помощью рисуночных пиктограмм. На втором этапе испытуемые должны были эмоционально оценить пиктограмму и затем ее декодировать, выбрав соответствующий пиктограмме объект, предложенный в списке. В эксперименте участвовали 26 человек, студентов психологического факультета БПГУ им. В. М. Шукшина.

На основании полученных результатов были сделаны следующие выводы:

Успешность декодирования в целом прямо пропорциональна эмоциональной близости кодируемых и декодируемых объектов.

Успешность декодирования выше в том случае, если кодируются ситуативные эмоциональные реакции (радость, нежность, обида, ревность).

Подобные корреляции при кодировании длительных эмоциональных состояний (счастье, скука, вина, ярость, страх) незначимы.

Литература

Васильев И. А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психол. журн. 1998. Том 19. № 4. С. 49–60.

Выготский Л. С. О двух направлениях в понимании природы эмоций в зарубежной психологии начала XX века // Вопр. психол. 1968. № 2. С. 22.

Лупенко Е. А. Экспериментальное исследование инвариантности восприятия // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко. М., 2004. С. 121–133.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 97–98.

Яньшин П. В. Психология искусства // Материалы Всерос. научно-практ. конф. 3–5.09.2002. Самара, 2003. С. 18–30.

Ю. И. Троянова (Тимофеева)
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Yulia Troyanova (Timofeyeva), St. Petersburg

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЗНАКОВ **Problems of the Semiotic Theory**

В конце XIX – начале XX века было разработано несколько теорий знака, из которых наиболее влиятельными оказались две: теория Соссюра и семиотическая теория, связанная с именем Чарльза Пирса. Теория Соссюра послужила исходным пунктом для большинства лингвистических традиций. Однако из-за своей неполноты она не могла служить единственной методологической базой для исследования. Денотативная и семиотическая теории дали начало двум конкурирующим традициям.

В понимании Соссюра: «Языковой знак – двусторонняя психическая сущность». Данные термины «понятие» и «акустический образ» исследователь предлагает заменить соответственно «означающее» и «означающее».

В качестве первого принципа Соссюр выделяет произвольность знака. Здесь имеется в виду то, что связь, соединяющая означающее и означаемое, произвольна, то есть сам языковой знак произволен.

В качестве второго принципа Фердинанд де Соссюр называет линейный характер означающего, а именно: «Означающее, будучи свойством слухового (аудитивного), развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно представляет протяженность и б) эта протяженность лежит в одном измерении: это – линия» (Соссюр 1998: 69).

Соссюр четко разделяет внутри языковой деятельности язык и речь. Он пишет: «Язык для нас – это языковая деятельность минус сама речь. Он есть совокупность лингвистических навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым» (Соссюр 1998: 76). Ученый считает, язык можно назвать «областью артикуляции», то есть «каждый языковой элемент есть маленький член, *articulus*, внутри которого идея закрепляется звуком, а звук становится знаком для идеи» (Соссюр 1998: 110). Таким образом, невозможно отделить звук от мысли.

В языке нет ничего кроме различий: в языке нет ни идей, ни звуков, предшествующих системе, по мнению исследователя, а есть только концептуальные различия и звуковые различия, проистекающие из языковой системы. И идея, и звуковой материал, заключенные

в знаке, имеют меньше значения, чем то, что есть кругом него в других знаках (Соссюр 1998: 118).

Соссюровской концепции языкового знака как двусторонней единицы, характеризуемой означающим и означаемым, часто противопоставляется знаковая теория Ч. Морриса.

В рамках этой теории языковой знак характеризуется не только именем (означающим и означаемым), но и еще двумя параметрами – синтактикой и прагматикой.

По мнению Ч. Морриса, процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом. Этот процесс в традиции, восходящей к грекам, содержит обычно три или четыре фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (*refers to*) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь для интерпретатора оказывается знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или законосителем) (*sign vehicle*), десигнатом (*designatum*) и интерпретантой (*interpretant*), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор (*interpreter*). Эти термины делают эксплицитными факторы, остающиеся необозначенными в распространенном утверждении, согласно которому знак указывает на что-то для кого-то (Моррис 2001: 47).

Пирс не ограничивает знак функциями обозначения и сообщения, а говорит о нем как о некоем учреждающем событии репрезентации – действия, подчиненного особой семиотической каузальности и организующего взаимосвязь между чувственной достоверностью и мотивацией человеческих поступков, между эгоистическим намерением и публичной истиной, между словами и вещами (Пирс 2000: 4).

Сам знак исследователь определяет как нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, Пирс называет интерпретантом первого знака. Знак замещает собой нечто – свой объект. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая к некоторой идее, которую Пирс иногда называет основанием репрезентамена.

По теории Пирса, знаки подразделяемы на три трихотомии. Первая характеризует знак сам по себе соответственно: как простое качество, как действительное существование или как общее правило. Вторая рассматривает отношение знака к своему объекту: как состоящее в том, что знак обладает некоторым качеством самим по себе, как некоторое наличное (*existential*) отношение к этому объекту; как отношение знака к интерпретанту. Третья рассматривает знак в зависимости от того, как его интерпретант репрезентирует его: как знак воз-

возможности, знак факта или знак умозаключения (Пирс 2000: 57). Позднее Пирс описал десять трихотомий и 66 категорий знаков. В соответствии со второй трихотомией знак может быть назван иконом (icon), индексом (index) или символом (Пирс 2000: 58).

Теория Пирса, несмотря на ее крайнюю запутанность, до сих пор является наиболее продуктивной, хотя все исследователи, принимающие ее за исходный пункт, модифицируют ее в той или иной степени (например, Ч. Моррис).

Литература

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-ое, исп. и доп. М., 2001.

Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

К. И. Федорова, Т. А. Мельничук

Якутский гос. ун-т, г. Якутск

Klavdia Fedorova, Tatiana Melnitchuk, Yakutsk

СВЯЗНОСТЬ ИКОНИЧЕСКОГО И ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В ТЕКСТАХ С ПОЛНОЙ КРЕОЛИЗАЦИЕЙ. Interconnection of Verbal and Non-Verbal Components in Fully Creolized Texts

Любые, в том числе иконические, знаки представляют собой семиотическую знаковую систему, состоящую из элементов, главной задачей которых является «репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутом для сознания». (Бенвенист, 76) Семиотика не делает принципиального различия между вербальным и невербальным знаком, однако же не предлагает и четкого однозначного определения последнего. Иконический знак способен служить средством коммуникации (иероглифическое письмо, базировавшееся на иконической основе) и заменять собой вербальный компонент без ущерба для смыслового содержания, а подчас и с большей образностью. Разумеется, иконический знак не функционирует в звучащей речи, но в графическом тексте может употребляться практически наравне с вербальным текстом.

Примером последнего утверждения являются так называемые полностью креолизованные тексты, к которым относятся комиксы. В последние годы проблема исследования категории креолизованных

текстов стала особенно актуальной. В рассматриваемом нами контексте иконический знак представляет собой одно из паралингвистических средств текста, обладает неязыковой основой и является самостоятельным носителем информации. Вербальному знаку в комиксе, в свою очередь, всегда присущи паралингвистические элементы, поскольку креолизация пронизывает все текстовое единство. Внутритекстовые связи в текстах с полной креолизацией мы рассматриваем на следующих уровнях:

1. Связность между иконическим и вербальным компонентом: семантические и структурные связи.
2. Формальная текстовая связность (когезия).
3. Содержательная текстовая связность (когерентность).

Иконический и вербальный компонент рассматриваются в их взаимодействии, исследуется их роль в создании цельного текста.

Г. А. Хайрутдинова
Казанский гос. ун-т
Goulshat Khairutdinova, Kazan

СЕМАНТИКА ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

Semantics of the Grammatical Gender of Nouns in Semiotic Context

Возможность применения семиотического подхода к изучению грамматических сущностей неоспорима. Интерес в этом плане вызывает анализ семантической структуры морфологической категории рода существительных.

В лингвистической литературе этот вопрос решается неоднозначно (см. работы А. В. Бондарко, Я. И. Гина, А. А. Зализняка, Е. В. Клобукова, М. П. Мучника, О. Г. Ревзиной и др.).

Опираясь на некоторые идеи Л. А. Новикова, Л. М. Васильева, В. В. Иваницкого, изложим свою концепцию семантики грамматического рода. В грамматическом значении рода существительных следует выделять четыре компонента: сигнификативный, денотативный, структурный и коннотативный. Содержание сигнификативного компонента рода обусловлено спецификой системно-структурных отношений русского языка. Денотативный элемент семантики грамматического рода обусловлен внеязыковой действительностью, являясь отражением статической (предметной) стороны реального мира.

Структурный компонент значения обычно трактуется как отношение данного знака к другим знакам внутри определенной знаковой системы. Коннотативный компонент родовой семантики включает в себя образные, эмоционально-оценочные и стилистические элементы. Оценочная, образно-ассоциативная интерпретация денотатов в языковом сознании говорящего может быть связана с актуализацией таких признаков внеязыковых реалий, как большой (по величине), сильный, активный, мужественный, обладающий положительной оценкой (когда денотат репрезентируется субстантивом мужского рода) и небольшой, слабый, пассивный, женственный, имеющий негативную оценку (при обозначении денотата с помощью существительного женского рода).

В значительной части случаев реализация эстетических ресурсов морфологической категории рода мотивирована возникновением в структуре грамматического значения неодушевленного существительного квазиденотативного компонента родовой семантики («*Ветерок целует в губы всех красавиц...*» И.Северянин), что является одним из способов повышения степени иконичности используемых в поэтической речи языковых единиц.

С. В. Чебанов

Санкт-Петербургский гос. политехнический ун-т
Sergey Chebanov, St. Petersburg

**СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС
НЕОДНОМЕРНОСТИ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ**
**The Semiological Status of the Nonlinearity
of Written and Spoken Languages**

Обретение фоносемантикой признания является весомым аргументом в пользу отказа от тезиса об одномерности (линейности) устной и письменной речи, поскольку в этом случае следует признать, что наряду с линейной последовательностью сем, задаваемой последовательностью морфологических сегментов, следует рассматривать и ряд (линейный ли?) сем, сопряженных с фонемами. Тем самым двойное членение оказывается относящимся и к семантике как таковой. Представлять семантику в этом случае можно пользуясь несколькими (например, двумя) линейками (наподобие нотного стана), каждая из которых будет содержать семы либо традиционных морфем, либо звуков (букв), входящих в состав этих морфем.

В плане выражения неоднородность определяется тем, что звук воспринимается с помощью бинаурального слуха, а изображение – бинокулярного зрения, вследствие чего речь фактически является трехмерной, а письмо – двумерным (если пренебречь толщиной слоя краски; исключение – литеры, вырубленные в камне, дереве и т. д.). Функциональная неравноценность ушей или глаз будет приводить к смещению фоно- и визуальносемантических значений.

Неоднородность речи регулярно используется в языковых играх и литературном творчестве. К ним относятся аллитерации, рифмы, стихотворный размер, палиндромы и т. д. Топологическая структура этих форм такова же, как регрессивной ассимиляции и диссимиляции (в т. ч. дистактные), циркумфиксов, рамочных конструкций, инверсий, левых ветвлений синтаксического дерева, нарушения проективности и т. д., а также ситуаций противоречий разворачивания семантики (истории) и линейной структуры гиперсинтаксиса текста.

Еще более проявляется неоднородность речи в нарочитой игре с этой неоднородностью (использование буквицы, превращение текста в вязь, орнамент, обтекание текстом иллюстраций, фигурные стихи, акrostихи и т. д.).

При этом можно предполагать единство психолингвистических механизмов всех этих явлений (ср. анализ Гуссерлем регрессивных отношений при восприятии мелодии).

Обращение к таким примерам наводит на мысль о дробной размерности речи, а соответственно, о ее фрактальной структуре. Но прежде, чем привлекать подобные математические модели, надо добротнo описать сам эмпирический материал.

Tatiana Chernigovskaya, St. Petersburg

Т. В. Черниговская

Санкт-Петербургский гос. ун-т

**LANGUAGE AND MIND
IN A NEUROLINGUISTIC PERSPECTIVE:
INBORN MODULES OR NETWORKS?**

Язык и сознание: врождённые модули или нейронные сети?

The paper reviews the state of the art of evolution of mind and brain. Various points of view on cerebral basis for language competence are considered: nativism vs. emergentism, modular vs. network neurophysiological organization of language and cognition, the idea of macromutation vs. a

series of micromutations that have resulted in the appearance of human language. Macromutation chosen by an anti-Darwinist Chomsky and the view of Pinker and Bloom insisting on the natural selection that has led to formation of the language capacity are discussed in association with Hebb's model (decades before discussed by A. Ukhtomsky and P. Anokhin) as a conciliation of the modular and holistic paradigms. The paper also presents data on mental lexicon structure based on language acquisition and collapse.

The research was supported by grants No. 03-06-80068 from Russian Foundation for Basic Research and No. 04-04-00083a from Russian Scientific Foundation for Research in Humanities

Л. Ф. Чертов

Детская художественная школа №1
Leonid Chertov, St. Petersburg

ОБ ИНДЕКСАХ ПРОСТРАНСТВА В ИЗОБРАЖЕНИЯХ **On Space Indices in Pictorial Descriptions**

В семиотике Пирса и Морриса изображения на плоскости рассматриваются как пример «иконических знаков», репрезентирующих некий объект за счет сходства с ним. Однако, в той мере, в которой плоское изображение («картина») содержит указания на объемы, оно отклоняется от иконического подобия изображаемому. Средства изображения глубины: линейная и воздушная перспектива, светотень, пересечения линий, заслонения поверхностей и др. носят не иконический, а индексальный характер. Искусственно введенные, они воспроизводят «естественные» индексы, по которым восприятие строит пространственный образ предметов. Типы индексов, применяемых в практике создания изображений, отбираются в ней намеренно с целью создать у зрителя восприятие отсутствующих объектов. Тем самым формируется визуальный код, представляющий собой культурную модификацию природного перцептуального кода, элементы которого отбираются и используются как средства коммуникации с помощью изображений. Поскольку отбор признаков глубины обусловлен индивидуальной манерой изображения или культурной традицией, отобранные элементы кода подобны условным знакам. Поскольку фиксируются определенные типы «естественных» признаков, код является индексальным. Наконец, поскольку эта индексация избирательно воспроизводится, появляются элементы иконичности.

Таким образом, даже если не учитывать всего того, что изображается в картине сверх пространственных отношений, она может рассматриваться как сложный визуально-пространственный текст («перцептограмма»), в структуре которого элементы иконического характера взаимодействуют с индексами пространства, более или менее произвольно отобранными в соответствии с нормами особого «перцептографического» кода.

Е. А. Шамина

Санкт-Петербургский гос. ун-т
Elena Shamina, St. Petersburg

К ВОПРОСУ О НОСИТЕЛЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ Where Is the Phonetic Meaning Hidden?

Автор предполагает дать обзор сформулированных ранее определений носителя фонетического значения и предложить собственное видение проблемы, основанное на дистрибутивном подходе к феномену фоносемантики. Этот подход позволяет не только объяснить существование первичного и вторичного звукосимволизма как двух тенденций ни в коей мере не противоречащих друг другу, но и примирить фоносемантическую теорию с традиционной теорией фонемы как односторонней единицы.

Б. Ф. Шифрин

СПб. отд. РИКультурологии
Boris Shifrin, St. Petersburg

К ФОНОСЕМАНТИКЕ ЗАРОЖДЕНИЯ/ЗАСТРЕВАНИЯ/ИСЧЕЗАНИЯ (Мотив занозы у О. Э. Мандельштама) The Phonosemantics in the Motifs of Appearance/Disappearance and Getting Stuck in O.Mandelstam's Poem on a Splinter

1. Индивидуальность звука оформляется той паузой, которая следует за звуком, но составляет его часть. Более удивительно то, что и приближению предшествует пауза, обнаруживаясь как часть этого нарождающегося звучания. Это состояние (чреватое звуком) подобно

беременности; явившемуся дают имя, удивляясь тому, как же раньше обходились местоимениями – он, она, это?

2. В стихотворении «Как тельце маленькое крылышком...» (1923 г) Осип Мандельштам вводит образ беременного неба:

*Как комариная безделица
В зените ныла и звенела
И под сурдинку пеньем жужжелиц
В лазури мучилась заноза:*

*Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя!
Мне будет легче с ним – пойми меня,
В беременной глубокой сини.*

Сонм существ, не уверенных даже в грамматическом числе; промельк на периферии внимания: соринки, искры, насекомые, мелочи (мелочь). Заноза – из того же *уклончивого* племени, но она цепляется за поверхность; существует, как бы разрываясь на грани: на поверхности она еще может быть знаком или вещью, вырываясь с нее – становится безделицей. Какое имя просит себе эта сущность? *Пойми* – значит улови, поймай. Но тут просят дать *имя для ухода!* (ухода здесь, рождения там?). Синтаксическая конструкция уподобляет пары: «не забывай меня», «казни меня»; это сближение парадоксально. В то же время, казнь подразумевает индивидуальность судьбы и *вменяемость* казнимого (имя оглашается). Текст предполагает «сдвиг» восприятия: заноза приняла боль на себя, перепутала, нам предлагается встать на точку сочувствия занозе: как ей быть?

3. Поэтика Мандельштама вживляет умозрительный образ в особую ткань восприятий и мускульных напряжений; сюжетно значимы (событийны) не столько глаголы, сколько превращения артикуляционно-акустических комплексов, кинестезис. Заноза напоминает о себе; речевой повтор осмысливается как укол, как навязчивое жжение занозы. Отсюда эти два «з» в ряде строк (портретирующие занозу с ее двойным «з»). Сочетания з, а, и: *не за-бывай, к-азн-и*; три з: «В лазури мучилась заноза»; скопления звуков з и ж (жужжелица) очень ощутимы. Другой анаграмматизм: даже без учета переключек «меня» – «имя» мы встречаем сначала «ай-ме-ня», «казн-име-ня»; в следующей строке – «ай-мне» «имя» (дважды), затем – «н-им» – «по-йми», и, наконец, – «с-ини». Так длится эта мольба об имени.

С. С. Шляхова
Пермский гос. пед. ун-т
Svetlana Shliakhova, Perm

О РУССКОМ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
On a Dictionary of Russian Iconic Words

Свое концептуальное оформление фоносемантика получила в рамках русскоязычной лингвистической среды (С. В. Воронин, В. В. Левицкий, И. Н. Горелов, А. П. Журавлев и др.), однако именно в русистике фоносемантика не получила широкого распространения. Наиболее активно в русистике развивается психолингвистическая фоносемантика, а также фоносемантика художественного текста. Практически не развивается лексикографическая, этимологическая, типологическая, стилистическая, грамматическая фоносемантика. В связи с этим остро встает вопрос о фиксации примарно мотивированных слов. Создание фоносемантических словарей по различным языкам – дело будущего, однако начинать надо. И начинать надо с малого.

Звукоизобразительная природа слова наиболее очевидна в формах типа *толк, бум, бах, ку-ку* и т. п., которые всегда привлекали внимание лингвистов, однако до сих пор нет не только сколько-нибудь системного их описания, но и простого словника.

В докладе используется термин *фоносемантические маргиналии* (ФМ), который подчеркивает маргинальный статус и звукоизобразительную природу данных единиц. Данный лексический пласт продолжает оставаться «лингвистической неясностью» в русистике. До сих пор не определен структурный и функциональный статус ФМ.

Однако ФМ являются весьма ценным лингвистическим материалом не только для описания звукоизобразительной системы русского языка, но и для решения проблем, связанных с языковой семантикой, этимологией, функционально-стилистической и жанровой парадигмой текста, текстовой семантикой и др. Фиксация и описание ФМ не только решает лексикографические проблемы («незафиксированность» этих единиц), но и позволяет накапливать материал для решения глобальных лингвистических вопросов не только в рамках частных, но и общих разделов языкознания.

ФМ, на наш взгляд, всегда являют собою пограничную единицу, мету перехода из одного континуума в другой, в некотором смысле это эволюционное звено в развитии языка, которое, однако, и сегодня формирует и обуславливает равновесие языковой системы. В языковом онто- и филогенезе – это переход от проторечи к абстрактному

языку, от жестовой речи к звуковой, от синкретичных комплексов к раздельнооформленности, от звука к смыслу, от иконического знака к символическому, от конкретики к абстракции, от биологических кодов к семиотическим.

Основной целью русского фоносемантического словаря является первоначальное, а потому лишь весьма приблизительное установление фонда русских ФМ (в словаре представлено свыше 1500 словарных статей). Не менее важной задачей является отражение функционального спектра ФМ. Лексикографическая практика показывает, что ФМ обычно не включаются ни в диалектные, ни тем более в нормативные словари, а потому одной из задач словаря является фиксация ФМ, бытующих преимущественно в разговорной и диалектной речи.

В докладе представлены определение и критерии отбора единиц описания, принципы отбора состава словника и композиция словника, структура словарной статьи и система помет (функциональные, грамматические, фоносемантические).

Åsa Abelin,
Inst. of linguistics, University of Göteborg
Оса Абелин, Швеция

PHONESTHEMES IN SWEDISH

Фонестемы в шведском языке

The Swedish lexicon has been analyzed with emphasis on the sound symbolic properties of initial and final consonant clusters. Lexically infrequent clusters are utilized to a larger extent than lexically frequent clusters. The meanings of the phonesthemes are most often relatable to the senses: hearing, vision or tactile sensation. Some phonesthemes are clearly sound symbolic, and carry either one or several meanings. Other phonesthemes are not so clearly sound symbolic. The psychological reality of phonesthemes was tested in experiments of production and understanding. These show that all of the constructed words are interpreted correctly by some subjects. The most common semantic features found in the lexical analysis are also among the most successfully interpreted by subjects. For production, the experiments indicate that subjects tend to encode the semantic features in initial clusters rather than in final clusters. The words produced also utilized dimensions such as lengthening, reduplication and illegal phonotactics.

Содержание

<i>Эллот Р.</i> Усвоение языка с точки зрения моторной теории.....	3
<i>Арискина О.Л.</i> Ориентационный аспект в создании и восприятии терминологического знака.....	4
<i>Архипов И.К.</i> Еще раз о природе и функционировании языкового знака. Текст и «интертекстуальность».....	5
<i>Афанасьева Н.А.</i> Символы как семиотические концепты.....	6
<i>Бишакджан Б.</i> Эволюция знака.....	7
<i>Беседина Е.И., Швецова Н.Н.</i> К вопросу об установлении звуко-образительного статуса фонем: структурно-фонетический анализ	8
<i>Бойцова О.Ю.</i> Фотография: икон, индекс, символ? (на примере любительской фотографии).....	9
<i>Бродович О.И.</i> О некоторых фундаментальных понятиях фоносемантики.....	11
<i>Бурькин А.А.</i> Фоносемантика, классическая лингвосемиотика и некоторые объективные свойства языковых знаков.....	12
<i>Бычкова Т.А.</i> К вопросу о знаковой сущности имени концепта.....	13
<i>Варламова Ю.В.</i> Связность вербального и иконического компонентов в кинотекстах.....	14
<i>Варшавская А.И., Журавская К.А.</i> Автологическое и металогическое свойства звукообразительных слов.....	16
<i>Васильев В.И.</i> Когнитивный образ языкового знака.....	17
<i>Вейнмейстер А.В.</i> Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э.Кассирера.....	18
<i>Вишневская Г.М., Карабанова А.А.</i> Фоносемантическая характеристика звукоподражаний.....	19
<i>Гадышева О.В.</i> Символическое значение слова-заглавия в драматургии Леонида Андреева.....	21
<i>Галеев Б.М.</i> Цветофоносемантика в системе синестезии.....	21
<i>Галеева Н.Л.</i> Семиотика и герменевтика перевода.....	23
<i>Горбунова Н.Г.</i> Когнитивный подход к теории номинации.....	24
<i>Дедова О.В.</i> Пользовательский интерфейс браузера как знаковая система (об одном из аспектов порождения и восприятия интернет-текста).....	25
<i>Добрынина М.В.</i> Символ в смысловой структуре художественного текста.....	26
<i>Дрожацих Н.В.</i> Иконичность и процессы семиогенеза.....	28
<i>Дьячковский К.Д.</i> Язык как этносемиотическая система.....	29
<i>Забарскайте Й.</i> Фоносемантика начальных многокомпонентных кластеров односложных междометий литовского языка.....	30
<i>Залевская А.А.</i> Некоторые вопросы естественного семиозиса.....	30

<i>Иванова Е.В.</i> Когнитивная модель пословичного знака.....	31
<i>Иванова Е.С.</i> Словарь эмоций: на пересечении лингвистики и психологии.....	32
<i>Карташкова Ф.И., Вансяцкая Е.А., Ганина В.В.</i> Отражение эмоций в невербальном поведении человека (на материале англоязычных художественных текстов).....	34
<i>Климова С.В.</i> К вопросу о семантической реконструкции.....	35
<i>Колосова Е.И.</i> Знак – единство формы и содержания?.....	36
<i>Крейдлин Г.Е.</i> Иконические единицы в невербальной коммуникации.....	38
<i>Кушнерук С.П.</i> Официально-деловой документ как знаковая матрица.....	39
<i>Левицкий В. В., Львова Н. Л.</i> Синестезия как источник звукового символизма.....	40
<i>Ливанова А.Н.</i> Звукоизобразительная и звукосимволическая лексика в словарях (на материале норвежского языка).....	40
<i>Масленникова А.А.</i> Обратная перспектива в иконописи и художественном тексте.....	42
<i>Мартыненко Г.Я.</i> Семиотика эстетизма.....	42
<i>Михалёв А.Б.</i> Семантическое пространство языка как система фоносемантических полей.....	43
<i>Нестерова Н.Г.</i> Проблемы восприятия языковой игры в радиозфире.....	44
<i>Нефёдов С.Т.</i> Модальность в процессах смыслопорождения и смысловосприятия речевого сообщения.....	45
<i>Охала Дж.</i> Частотный код и произвольность знака.....	46
<i>Павловская И.Ю., Седелкина Ю.Г.</i> Фоносемантика в процессе коммуникации: О восприятии фоносемантических лексических комплексов в учебной аудитории.....	48
<i>Петухова Е.В.</i> Звукоизобразительная лексика и метафоризация значения.....	48
<i>Пищальникова В.А.</i> Использование звукового символизма в процессе обучения иностранному языку.....	50
<i>Прокофьева Л.П.</i> Цветовая символика звука в гендерном аспекте... ..	52
<i>Разумовская В.А.</i> Изоморфизм формы и содержания как базовая составляющая адекватности поэтического перевода.....	53
<i>Рёбрушкина И. А.</i> О термине «внутренняя форма слова».....	54
<i>Сорокин Ю.А.</i> Контакты в языке: конфликтные взаимодействия?....	55
<i>Стернин И.А.</i> Знак, значение, концепт.....	56
<i>Татаринова Е.С.</i> Функционирование звукоизобразительных основ – обозначений резкого движения в английском профессиональном экономическом жаргоне.....	59

<i>Телецкий А.Г.</i> Стратегическое планирование в политическом тексте (на примере немецкой газетной прессы).....	61
<i>Третьякова Т.П.</i> «Принцип экологии» и анализ текста.....	62
<i>Трофимова Е.Б., Деревягина Е.Ю.</i> Вербализация зрительных сигналов носителями русского языка.....	62
<i>Трофимова Е.М., Колтакова О.Н.</i> Исследование процессов кодирования и декодирования когнитивно сложных объектов.....	64
<i>Троянова (Тимофеева) Ю.И.</i> Проблема теории знаков.....	66
<i>Федорова К.И., Мельничук Т.А.</i> Связность иконического и вербального компонентов в текстах с полной креолизацией.....	68
<i>Хайрутдинова Г.А.</i> Семантика грамматического рода существительных в аспекте типологии языковых знаков.....	69
<i>Чебанов С.В.</i> Семиологический статус неоднородности устной и письменной речи.....	70
<i>Черниговская Т.В.</i> Язык и сознание: врождённые модули или нейронные сети?.....	71
<i>Чертов Л.Ф.</i> Об индексах пространства в изображениях.....	72
<i>Шамина Е.А.</i> К вопросу о носителе фонетического значения.....	73
<i>Шифрин Б.Ф.</i> К фоносемантике зарождения/застревания/исчезания (Мотив занозы у О.Э.Мандельштама).....	73
<i>Шляхова С.С.</i> О русском фоносемантическом словаре.....	75
<i>Абелин О.</i> Фонестемы в шведском языке.....	76

Contents:

<i>Allott R.</i> Language Acquisition: the Motor Theory Account.....	3
<i>Ariskina O.L.</i> Coding and Decoding a Unit of Terminology.....	4
<i>Arkhipov I.K.</i> Once Again on the Nature and Behaviour of the Linguistic Sign: Text and Intertextuality.....	5
<i>Afanasieva N.A.</i> Symbols as Semiotic Concepts.....	6
<i>Bichakjian, B.</i> The Evolution of the Sign.....	7
<i>Besedina E.I., Shvetsova N.N.</i> Towards Determining the Iconic Function of Phonemes: a Structure-Phonetic Approach.....	8
<i>Boitsova O.Yu.</i> A Photo As a Sign: Is It an Icon? An Index? Or a Symbol?.....	9
<i>Brodovich O.I.</i> On Some Fundamental Notions of Phonosemantics.....	11
<i>Burykin A.A.</i> Phonosemantics, Classical Linguosemiotics and Certain Objective Properties of Linguistic Signs.....	12
<i>Bychkova T.A.</i> Semiotic Properties of Names of Concepts.....	13
<i>Varlamova Yu.V.</i> Interconnection of Verbal and Non-Verbal Components in Cinematography.....	14

<i>Varshavskaya A.I., Zhuravskaya K.A.</i> Autological and Metalogical Properties of Iconic Words.....	16
<i>Vassiliev V.I.</i> The Cognitive Image of the Linguistic Sign.....	17
<i>Veinmeister A.V.</i> On the Notions of Symbolic Form and Meaning in E.Cassirer's Linguistic Philosophy.....	18
<i>Vishnevskaya G.M., Karabanova A.A.</i> Phonosemantic Characteristics of Sound-Imitative Words.....	19
<i>Gadysheva O.V.</i> The Symbolic Meaning of Title Words in Dramatic Works of Leonid Andreyev.....	21
<i>Galeyev B.M.</i> Colour Phonosemantics in Synesthesia.....	21
<i>Galeyeva N.L.</i> [The Semiotics and Hermeneutics of Translation.....	23
<i>Gorbunova N.G.</i> Theory of Nomination: The Cognitive Approach.....	24
<i>Dedova O.V.</i> The User Interface of the Browser as a System of Signs (On One of the Aspects of Generation and Perception of text in the Internet).....	25
<i>Dobrynina M.V.</i> Symbol in the Meaning Structure of a Literary Text.....	26
<i>Drozhashikh N.V.</i> Iconicity and the Processes of Semiogenesis.....	28
<i>Diachkovsky K.D.</i> Language as an Ethnosemiotic System.....	29
<i>Zabarskaitė J.</i> The Phonosemantics of Initial Multinomial Clusters of Monosyllabic Interjections in Lithuanian.....	30
<i>Zalevskaya A.A.</i> On Certain Aspects of Natural Semiosis.....	30
<i>Ivanova E.V.</i> Proverbs as Signs: The Cognitive Model.....	31
<i>Ivanova E.S.</i> A Lexicon of Emotions: on the Cross-Section of Linguistics and Psychology.....	32
<i>Kartashkova F.I., Vansyatskaya E.I., Ganina V.V.</i> Emotions as Reflected in Non-Verbal Behaviour of Man (based on English Literary Texts).....	34
<i>Klimova S.V.</i> On Semantic Reconstructions.....	35
<i>Kolosova E. I.</i> The Word: A Unity of Form and Meaning?.....	36
<i>Kreidlin G.E.</i> Iconic Units in Non-Verbal Communication.....	38
<i>Kushneruk S.P.</i> The Business Document as a Matrix of Signs.....	39
<i>Levitsky V.V., Lvova N.L.</i> Synesthesia as the Basis of Sound Symbolism... ..	40
<i>Livanova A.N.</i> Onomatopoeic and Sound-Symbolic Words in Dictionaries.....	40
<i>Maslennikova A.A.</i> The Inverse Perspective in Literary Discourse.....	42
<i>Martynenko G.Ya.</i> The Semiotics of Aestheticism.....	42
<i>Mikhalev A.B.</i> Lexical Semantic as a System of Phonosemantic Fields... ..	43
<i>Nesterova N.G.</i> Aspects of Perception of Language Games in Radio Broadcasting.....	44
<i>Nefedov S.T.</i> Modality in the Processes of Generation and Perception of Meaning in Speech.....	45

<i>Ohala J.</i> The Frequency Code and Its Implications for the Arbitrariness of the Sign.....	46
<i>Pavlovskaya I.Yu., Sedelkina Yu. G.</i> Phonosemantics in Communication: Perception of Phonosemantic Lexical Complexes in Classroom Situations.....	48
<i>Petukhova E. V.</i> Iconic Lexicon and Metaphoric Shifts in Meaning.....	48
<i>Pishalnikova V.A.</i> Using Sound Symbolism in Language Teaching.....	50
<i>Prokofieva L.P.</i> The Colour Symbolism of the Sound: the Gender Aspect.....	52
<i>Razumovskaya V. A.</i> Isomorphism of Form and Meaning as a Basic Component of Adequacy in Translation of Poetry.....	53
<i>Riobrushkina I.A.</i> On the Notion of the Word's Inner Form.....	54
<i>Sorokin Yu.A.</i> Language Contacts: Conflict Interaction?.....	55
<i>Sternin I.A.</i> Sign, Meaning, Concept.....	56
<i>Tatarinova E.A.</i> Iconic Word-Bases in Designations of Sharp Movement Evidenced in English Professional Jargon of Economists.....	59
<i>Teletsky A.G.</i> Strategic Planning of Political Texts (based on German Newspapers).....	61
<i>Tretiakova T.P.</i> "Ecology Principle" in Text Analysis.....	62
<i>Trofimova E.B., Dereviagina E.Yu.</i> Verbalization of Visual Signals by Speakers of Russian.....	62
<i>Trofimova E.M., Koltakova O.N.</i> Research into the Coding and Decoding Processes of Cognitively Complex Objects.....	64
<i>Troyanova (Timofeyeva) Y.I.</i> Problems of the Semiotic Theory.....	66
<i>Fedorova K.I., Melnitchuk T.A.</i> Interconnection of Verbal and Non-Verbal Components in Fully Creolized Texts.....	68
<i>Khairutdinova G.A.</i> Semantics of the Grammatical Gender of Nouns in Semiotic Context.....	69
<i>Chebanov S.V.</i> The Semiological Status of the Nonlinearity of Written and Spoken Languages.....	70
<i>Chernigovskaya T.V.</i> Language and Mind in a Neurolinguistic Perspective: Inborn Modules or Networks.....	71
<i>Chertov L.F.</i> On Space Indices in Pictorial Descriptions.....	72
<i>Shamina E.A.</i> Where Is the Phonetic Meaning Hidden?	73
<i>Shifrin B.F.</i> The Phonosemantics in the Motifs of Appearance/ Disappearance and Getting Stuck in O.Mandelstam's Poem on a Splinter.....	73
<i>Shliakhova S.S.</i> On a Dictionary of Russian Iconic Words.....	75
<i>Abelin A.</i> Phonesthemes in Swedish.....	76